ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 43 (2530) Суббота, 28 мая 1949 г. Цена 40 коп.

Российская Федерация

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, в эти дни проходила сессия Верховного Совета РСФСР. Депутаты, избранники народов, населяющих Российскую Федерацию, собрались для решения крупнейшего государственного вопроса — обсуждения и утверждения бюджета РСФСР на 1949 год.

Доклад о бюджете, выступления депутатов наглядно, выразительным языком цифр, вновь и вновь показали всему миру изумительные победы советского народа в послевоенном строительстве. Прошло немногим более четырех лет после окончания тяжелой, кровопролитной войны, принесшей нашей стране неисчислимые бедствия. Более одной трети разрушений, учиненных немецкими оккупантами во временно захваченных ими районах, произведены были на территории Российской Федерации. Чудодейственной энергией русского народа и других братских народов Российской Федерации ныне восстановлены сотни и тысячи промышленных предприятий, МТС, совхозов, возведены тысячи новых культурно-бытовых учреждений, жилых домов, полным ходом идёт восстановление разрушенных городов.

Промышленность Российской Федерации перешагнула довоенный уровень. Еще в прошлом году она дала продукции на 19 процентов больше, чем в последний предвоенный мирный год. И вновь сделала скачок вперед в первом квартале текущего года, на 19 процентов увеличив выпуск продукции против соответствующего периода прошлого года.

Прошлый год явился переломным в развитии сельского хозяйства: были достигнуты крупнейшие успехи в решении зерновой проблемы, был собран обильный урожай, приближающийся к урожаям лучших довоенных лет. С огромным энтузиазмом трудятся колхозники этой весной, закладывая фундамент высоких, устойчивых урожаев, тесно соединяя свой труд с наукой, самоотверженно борясь за изобилие продовольствия и сельскохозяйственного сырья в нашей стране.

Забота о благе народа, о его кровных интересах, о его неотложных нуждах — замечательная черта нашего бюджета, отличающая его от бюджета любой капиталистической страны, где финансовая политика правящих капиталистических клик стоит на страже интересов эксплоататоров, охраняя их прибыли, обрекая миллионы трудящихся на голод, нищету, физическое вырождение. Всего ярче драгоценная особенность советского бюджета — забота о нуждах народных — сказалась в оглашенных на сессии цифрах, свидетельствующих о наших успехах в восстановлении жилищного фонда, сети социально-культурных учреждений.

Около 28 миллионов квадратных метров жилой площади восстановлено и построено за первые три года послевоенной пятилетки в городах и рабочих поселках. 407 тыс. колхозных семей, чьи жилища были разрушены немецкими захватчиками, переселились в новые просторные дома. Не только полностью восстановлена, но и значительно расширена сеть культурно-бытовых учреждений. Из года в год растет число обучающихся детей, количество студентов. Все больше и больше становится в городах и селах дворцов культуры, клубов, библиотек, больниц, кинотеатров, детских садов и яслей.

Успехи Российской Федерации — это, прежде всего, успехи великого русского народа, являющегося, по определению товарища Сталина, «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Русский народ заслужил «общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны» (И. Сталин).

Ясный ум, стойкий характер, непоколебимая преданность делу коммунизма, твердая уверенность в его торжестве, неиссякаемая революционная инициатива, бесстрашие в борьбе с врагами Родины, богатырское трудолюбие, искренняя любовь и глубокое уважение ко всем большим и малым нациям снискали русскому народу горячую признательность и благодарность всех народов СССР. Героические дела русского народа вдохновляют братские народы нашей великой многонациональной Родины на беззаветную борьбу за победу коммунизма. К голосу передовых представителей русского народа прислушиваются во всех братских республиках, инициативу передовых русских стахановцев, новаторов промышленности и сельского хозяйства быстро подхватывают во всех уголках Советского Союза. Лучшие творения русского гения — в области науки, литературы, искусства — служат образцом, они оплодотворяют науку, искусство, литературу в братских союзных и автономных республиках, успешно создающих свою культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме.

В честь России, ее великого народа поют песни на всех языках народов СССР. Ей посвящают свои лучшие стихи поэты братских республик. Россию — «сердце огневое» славит белорусский поэт Петрусь Бровка:

Какая ширь, какая сила!
Как ты могуча и светла!
Народы все об'единила
И за собою повела.
Согрела материнской лаской
И защитила столько раз.
Стих Пушкина певучий, сказка
От колыбели греют нас.
Спасибо шлем тебе, любимой,
От Сожи, Немана, Днепра,
С тобою мы непобедимы,
Ты нам, как мать и как сестра!

И, как бы перекликаясь с белорусским собратом, слова искреннего привета, любви и благодарности шлет русскому народу татарский поэт Ахмед Ерикеев:

Народу русскому привет
И наша братская любовь,
Для нас один сияет свет,
В сердцах одна и та же кровь.
И с русскими в одном строю,
К одной звезде, одним путем,
Всегда — в работе и в бою —
Мы, братья младшие, идем.
Всегда помочь нам русский рад —
И в дни труда и в ратный час;
Он руку подал нам, как брат,
И на свободу вывел нас.

На светлую широкую дорогу жизни вышли татары, башкиры, чуваши, мордвины, якуты, буряты и многие другие народы Российской Федерации. Русский народ, как старший брат, подал им руку бескорыстной помощи и повел их к вершинам человеческого счастья — к коммунизму.

Утвержденный сессией Верховного Совета РСФСР бюджет на 1949 год отражает заботу русского народа и других народов Российской Федерации о росте могущества своей республики, их неукротимое стремление быстрее и успешнее выполнить пятилетний план послевоенного восстановления и строительства.

Цифры нового бюджета, как и выполненного бюджета за 1948 год, говорят о том, что все подчинено у нас интересам народа. Семьдесят процентов, свыше двух третей бюджета РСФСР, в текущем году ассигнуются на финансирование социально-культурных мероприятий, т. е. на школы, больницы, театры, библиотеки.

Заправилы империалистического лагеря, запутавшиеся в противоречиях, которые раздирают капиталистический мир, ищут выхода из этих противоречий на путях подготовки новой войны. В их бюджетах основной статьей расходов стало изготовление орудий смертоубийства. В Соединенных Штатах Америки сокращаются ассигнования на народное образование, закрываются школы, растет число неграмотных. В Советском Союзе, стоящем во главе лагеря прогресса, демократии и мира, бюджет воочию свидетельствует о мирных устремлениях народа и его правительства.

Депутаты Верховного Совета РСФСР обсуждали бюджет своей республики. Вслушайтесь в их взволнованные, горячие речи. Не об удушении свободы и независимости других народов, не об открытии военных и морских баз на территории других стран говорили они. Нет, их думы и помыслы сосредоточены на ином: они озабочены тем, как, где и на чем можно сэкономить, чтобы увеличить доходы государства, каких хозяйственников нужно призвать к порядку, чтобы они не транжирили народные деньги, что нужно сделать для того, чтобы успешнее работали наша промышленность, колхозы, совхозы, чтобы еще ярче расцветала в нашей стране передовая социалистическая культура. Единственные и полноправные хозяева своей страны, подлинные представители народа, депутаты от его имени вели большой государственный разговор о завтрашнем дне своей Родины, разговор, проникнутый глубокой заинтересованностью в сохранении мира, в процветании нашей Отчизны, в дальнейшем под'еме благосостояния народа.

Под руководством большевистской партии, великого Сталина, братские народы Российской Федерации умножают свои успехи, вдохновляя все народы СССР на новые победы во имя приближения коммунизма.

Будут в колхозах книжные магазины и киоски!

Приглашаем на открытие нового магазина

Беседа с секретарем Тамбовского обкома ВКП(б) тов. М. Крахмалевым

24 мая бюро Тамбовского обкома ВКП(б) обсуждало почин колхозников колхоза имени Ленина Кирсановского района нашей области, выступивших 4 мая в «Литературной газете» с письмом об открытии книжного магазина. Обком ВКП(б) одобрил и поддержал это большое и культурное начинание, ярко показывающее огромный рост культурного уровня колхозников.

Обращение колхоза имени Ленина и решение бюро обкома ВКП(б) по этому вопросу опубликовано в областной газете «Тамбовская правда».

В колхозе имени Ленина уже готовят сруб для нового магазина. Строительство ведется ускоренными темпами. Плотников и специалистов в колхозе достаточно. В помощь строителям направлен инженер, который помог составить проект. Проект станет типовым и для других колхозов. К 10 июля колхозники рассчитывают открыть сельский книжный магазин. Колхозники утверждают, что новый магазин явится одним из самых красивых зданий в их колхозе.

Мы надеемся, что писатели приедут в колхоз имени Ленина на открытие нового книжного магазина. Московские гости, помимо магазина, несомненно, увидят в этом передовом колхозе много интересного и вдохновляющего.

Почин колхозников колхоза им. Ленина Кирсановского района находит большую поддержку. Сегодня уже по приблизительным подсчетам ясно, что в нашей Тамбовской области будет открыто около ста колхозных книжных магазинов и киосков. Это поможет приблизить книгу к широким массам, удовлетворить читательские запросы, которые в настоящее время очень высоки.

Этот почин близок нам

Беседа с секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) тов. Б. Степановым

Алтайский край в текущем году получает значительное количество книг. В прошлом году план продажи литературы в крае составлял около 8 миллионов рублей, а в 1949 году 23—24 миллиона рублей. На селе намечено продать в этом году на 7 миллионов рублей литературы. Это больше чем втрое превышает прошлогоднюю сумму! Мы имеем возможность в широких масштабах довести книгу и до городского и до сельского населения.

В прошлом году были открыты 16 новых книжных магазинов в районах. Это, несомненно, помогло приблизить книгу к колхозам, МТС и совхозам. В 1948 году в колхозах нашего края было 1.548 сельских библиотек. Мы предполагаем, что в 1949 году сможем создать колхозные библиотеки во всех 4.200 колхозах края.

Почин колхозников колхоза имени Ленина Кирсановского района Тамбовской области близок нам по своему духу и по своему замыслу, и нет никакого сомнения в том, что их предложение будет поддержано колхозниками нашего края.

БОЛЬШОЕ КУЛЬТУРНОЕ ДЕЛО

Беседа с секретарем Воронежского обкома ВКП(б) тов. К. Жуковым

Огромное значение, которое придает большевистская партия делу коммунистического воспитания трудящихся нашей страны, подчеркивается отношением к книге. Одним из важнейших средств агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы является книга, доведенная до широких слоев населения. За последние годы приток литературы в нашу Воронежскую область значительно усилился, увеличило выпуск книг и областное книгоиздательство.

Чтобы улучшить книжную торговлю, мы открыли в районных центрах в прошлом году 20 новых магазинов Когиза. В этом году мы намерены организовать еще 36 книжных магазинов.

Однако все это еще не разрешает в полной мере задачи обеспечения непрерывно растущего спроса трудящихся на литературу. В нашей области более 4000 колхозов. Ряд колхозов отдален от железной дороги; есть немало районов, насчитывающих по 12—18 сельсоветов. Ясно, что районные магазины Когиза не в состоянии полностью обеспечить все колхозы литературой. Могла бы это сделать Союзпечать, но у этой организации крайне мало художественной и политической литературы.

Воронежский обком ВКП(б) повседневно помогает книготоргующим организациям. У нас в области начинается месячник книги. Разработан конкретный план его проведения, отпечатаны и разосланы плакаты и призывы, пропагандирующие книгу; в районах проводятся совещания партийного, советского и комсомольского актива, работников книготоргующей сети и культурно-просветительных учреждений.

Состоялась областная радиоперекличка по практическим вопросам подготовки и проведения месячника книги. В перекличке приняли участие заведующие отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов ВКП(б), секретари райкомов комсомола, работники книжной торговли.

Месячник книги будет использован нами не только для улучшения книжной торговли в уже имеющихся магазинах и киосках, но и для дальнейшего расширения торговой сети. В этой связи необходимо использовать замечательный почин колхозников Тамбовской области.

В связи с опубликованием их письма в «Литературной газете», мы обратились к многим колхозам области с предложением об организации книжных магазинов или киосков. Идея была встречена сельским активом и колхозниками с большим энтузиазмом. В этом—несомненное и яркое свидетельство культурного роста колхозной деревни и отражение ее стремления иметь все для удовлетворения культурных запросов масс.

В ближайшие месяцы решено открыть 100 колхозных книжных магазинов и киосков. Отовсюду из колхозов поступают сообщения о желании открыть такие магазины и киоски. В Подгоренском районе книготорговля будет организована в колхозах «Красный путиловец» и «Путь МОПРа»; в Алексеевском районе подобраны помещения и кадры для трех колхозных магазинов. Готовятся помещения для магазинов в Анненском, Борисоглебском, Калачеевском, Талицком и других районах области. Колхозные книжные магазины появятся и в крупных населенных пунктах.

Очень интересно отметить, что книжный магазин будет открыт в селе Ново-Животинное Березовского района. Это то село, о котором до революции кадет Шингарев писал, как о вымирающем. За время войны село Ново-Животинное, расположенное на берегу Дона в прифронтовой полосе, было разрушено. Сейчас восстановлены дома колхозников, в большом двухэтажном здании помещается средняя школа; намечена большая работа по дальнейшей реконструкции села.

Молодежь Ново-Животинного горячо откликнулась на предложение об организации книжного магазина. Уже подобрано двухкомнатное помещение, в ближайшее время оно будет оборудовано.

Начиная большое и важное культурное дело, следует помнить, что организация книжной торговли должна итти не только за счет подбора уже имеющихся помещений, но и по линии строительства колхозами новых магазинов и киосков. У нас в области есть колхозы, которые могут в текущем году построить книжные магазины по типовым проектам, получения которых мы ожидаем.

В работе по организации книжных магазинов нам нужна оперативная деловая помощь центральных организаций и прежде всего Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книготорговли.

За содружество науки и труда!

Акад. И. БАРДИН

В Советском Союзе наука призвана служить Родине, строительству коммунизма, всему народу. И мы — ученые — ясно чувствуем, что в настоящее время требования страны к работникам науки и техники особенно возрастают.

Советский Союз приближается к успешному завершению работ, намеченных в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР. По этому плану почти на 50 процентов должен быть превышен довоенный уровень нашей промышленности. Перед нами стоит задача достигнуть тех небывалых высот развития промышленности, которые были указаны товарищем Сталиным в его речи перед избирателями Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г.,—50 млн. тонн чугуна, 60 млн. тонн стали, 500 млн. тонн угля и соответственное развитие всех отраслей промышленности. Мы подошли к такому этапу, когда гигантские масштабы нашей промышленности уже требуют нового, гораздо более высокого уровня организации производства.

Поэтому совсем по-иному должны ставиться и решаться вопросы борьбы за высокие темпы дальнейшего развития народного хозяйства, за высокий уровень накоплений, за увеличение расширенного воспроизводства. Поэтому и возникают новые черты в массовом социалистическом соревновании, участниками которого все мы являемся. Особое внимание уделяется теперь рентабельности работы промышленности, как основе роста накоплений, и вопросам всемерного ускорения технического прогресса.

Работники промышленности, науки и техники в городе Ленина положили начало широкому движению, цель которого — создание тесного творческого союза между практиками производства и работниками научно-исследовательских учреждений. Ученые-металлурги в творческом содружестве с заводами ведут успешные исследования в области интенсификации металлургических процессов при помощи кислорода; они работают над получением новых сплавов, необходимых нашему машиностроению, совершенствуют процессы химико-термической обработки деталей машин, организуют помощь заводам в овладении многими новыми производственными процессами. Ученые-горняки решают важнейшие задачи механизации добычи угля полого падающих пластов, проектируют экономичные методы разработки месторождений полезных ископаемых. Ученые-энергетики принимают непосредственное участие в создании планов развития энергетики Москвы, занимаются вопросами комплексной электрификации сельского хозяйства, разрабатывают отдельные конкретные проблемы электромашиностроения, создают новые конструкции котлов, турбин, двигателей внутреннего сгорания. Институт автоматики и телемеханики работает над созданием и внедрением новых систем автоматического контроля, управления и регулирования производственных процессов, создает схемы телеуправления, помогает решению коренных вопросов автоматизации и механизации советской промышленности.

Сейчас многие советские математики, физики, механики приняли на себя обязательства по разработке теоретических проблем, тесно связанных с решением сложнейших производственных задач.

Сближение работников науки и производства позволит легко разрешить иногда болезненную проблему продвижения новых научно-технических идей через стадию заводских испытаний и создания опытных конструкций. Творческое содружество людей науки и производства ускорит темпы технического прогресса в нашей стране.

Советские люди выиграли сражение за полную экономическую независимость своей Родины в годы сталинских пятилеток, они одержали славную победу над силами фашизма в годы Великой Отечественной войны и добились полного успеха в деле восстановления народного хозяйства после войны. Во всех этих подвигах есть наша доля, доля советских ученых.

Вдохновленные гением товарища Сталина, мы высоко поднимем знамя содружества науки и производства и пойдем на борьбу за достижение тех великих целей, которые стоят перед советским народом.

Научные экспедиции выезжают из Москвы

Более ста экспедиций направит в этом году Академия наук СССР в разные районы страны.

Готовится к выезду Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Ее участники предполагают завершить этим летом в Шаббазском районе Кара-Калпакской АССР раскопки дворца древнего города Топрак-кала, резиденции хорезм-шахов III—V вв. нашей эры. Здесь уже в предыдущие годы были обнаружены замечательные памятники скульптуры и живописи, открыт архив древнехорезмийских документов. Эта же экспедиция продолжит в Казахстане, в низовьях Сыр-Дарьи, исследования комплекса памятников середины первого тысячелетия до нашей эры — Джеты-асара.

Из Москвы в Сталинградскую область выехали научные сотрудники Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Они продолжат начатый в прошлом году сбор фольклорных материалов, посвященных колхозной деревне. В колхозах имени Кагановича и «Большевистское знамя», Ново-Анненского района, намечено записать песни, частушки, сказки, мелодии.

Экспедиции советских археологов будут вести дальнейшее изучение культуры и быта древнерусских городов: Новгорода, Пскова, Киева, Москвы, Старой Рязани, Старой Ладоги, Мурома, Вологды и других. Собранные материалы будут использованы для создания монографий: «История Великого Новгорода», «Древний Псков в свете археологических данных», «Древний Киев».

Новая тема научных экспедиций Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра — археологическое исследование древнерусской деревни. Обширные раскопки намечены на местах древних поселений и крестьянских могильников Подмосковья.

Вопросам истории древнеславянских племен Восточной Европы посвящаются археологические исследования на левобережной Украине, а также в Молдавской ССР, где в предыдущие годы были открыты древние славянские городища и поселения. Будет продолжено изучение археологических памятников в бассейне реки Десны. У селения Вщиж, близ Брянска, предстоят раскопки феодального замка XII века.

Разработка проблем этногенеза народов Восточной Сибири — тема специальной бурят-монгольской экспедиции. Ученые произведут также новые раскопки античного города Ольвии на берегу Днепробугского лимана, столицы Боспорского царства — города Пантикапеи (находившегося на территории современной Керчи), столицы древнего скифского государства Неаполиса, вблизи Симферополя, Фанагории и других античных городов Причерноморья.

Ученые различных специальностей будут изучать природные ресурсы, культуру и быт народов нашей страны.

ЛАБОРАТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА В ЦЕХАХ

Ученые города Горького укрепляют творческую связь с работниками производства. В Горьком — девять высших учебных заведений. В одном только Горьковском университете 40 кафедр, 3 научно-исследовательских института, 60 лабораторий с ценнейшим научно-учебным оборудованием, 2 научных музея. Многочисленный состав профессоров и преподавателей оказывает большую помощь производственникам города и области.

На одном из заводов кандидат наук В. Шушунов помог значительно увеличить выход вещества для борьбы с вредителями сельского хозяйства. На другом заводе проф. Г. Разуваев помог создать лучшие условия для производства специальных масел, на третьем — ученые Института химии и химического факультета университета резко сократили в отходах производства содержание ценного металла.

Ученые университета помогают производственникам в исследовании вибрации резцов при скоростном резании металлов, в изготовлении термостолбиков для контроля температуры.

Интересные темы разрабатывают физики для металлургов. Разработан учеными новый режим термической обработки вертикальных валков универсального прокатного стана. Исследуются механические свойства сталей.

Ученые институтов и университета г. Горького разработали планы дальнейшего расширения творческого содружества с производственниками. Помимо ряда новых тем и внедрения в производство многих новых методов, ученые намерены создать в цехах крупных предприятий специальные лаборатории и принять шефство над цеховыми лабораториями заводов. Намечены встречи ученых и производственников. Подготовлены циклы лекций для инженерно-технических работников предприятий. Ученые Индустриального института прочтут более двухсот лекций.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Горький о Пушкине

В музее А. М. Горького вчера открылась выставка «Горький о Пушкине». На семи стендах и в витринах собрано около 800 экспонатов, раскрывающих глубину и богатство замечательных высказываний Горького о творчестве А. С. Пушкина.

Как известно, Горький горячо любил и ценил творчество великого поэта. В 1909 г., читая в Каприйской школе курс лекций по истории русской литературы, Алексей Максимович большое внимание уделил Пушкину и его роли в судьбах родной литературы. Высказывания о Пушкине, оценки отдельных произведений содержатся в многочисленных горьковских статьях, письмах, речах и беседах. Наиболее яркие и значительные из них представлены на выставке.

Выставка открывается разделом, посвященным первому знакомству двенадцатилетнего Алеши Пешкова с произведениями гениального поэта. Иллюстрации к поэме «Руслан и Людмила», а также к тем страницам повести «В людях», на которых Горький повествует о своем первом знакомстве с творениями Пушкина, наконец, пушкинские книги, которые читал Алексей Максимович в 80-х годах, — составляют содержание первого стенда.

Специальный раздел посвящен связям Пушкина с декабристами. Среди экспонатов обращает внимание редкий портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского. Как известно, Пушкин показывал портрет Лувеля в театре своим друзьям; это послужило поводом для суровых репрессий по отношению к поэту со стороны царя. Об этом эпизоде биографии Пушкина рассказывал Горький в своих лекциях.

Горький указывал, что Пушкин первым из русских писателей «обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая». Этой проблеме посвящен один из стендов. В центре раздела — горельеф, изображающий Арину Родионовну — няню Пушкина. Горельеф этот принадлежал Алексею Максимовичу.

Интересен раздел, посвященный теме «Пушкин в русской музыке». Эскизы декораций, зарисовки исполнителей и другие материалы показывают, как широко использовались пушкинские тексты творцами русской национальной музыки. Среди экспонатов — альбом фотоснимков, изображающих Ф. И. Шаляпина в ролях пушкинского репертуара. В свое время Шаляпин подарил альбом А. М. Горькому.

В разделе, озаглавленном «Горький в работе над Пушкиным», представлены книги из личной библиотеки Алексея Максимовича, испещренные его пометками, а также рукописи горьковских статей и конспекты лекций по истории русской литературы.

Юбилейный фарфор

ЛИКИНО-ДУЛЕВО. (По телефону). Коллектив художников Дулевского фарфорового завода им. «Правды» (Московская область) готовит к 150-летнему юбилею А. С. Пушкина ряд фарфоровых изделий с красочными рисунками на темы из произведений великого поэта.

Старейший художник Ф. Маслов работает над портретами Пушкина на блюдах. Портрет на овальной фарфоровой плитке будет обрамлен стихотворными строками поэта. Художница М. Шепелева расписывает чайный сервиз на темы романа «Евгений Онегин», И. Коньков—столовый сервиз «Руслан и Людмила».

Художники Ю. Ильина, С. Молотков и Х. Салин воспроизводят на сервизах и вазах сюжеты сказок великого поэта.

Лучшие работы будут экспонированы на Всесоюзной юбилейной выставке и в заводском музее.

По Советскому Союзу

ПУШКИНСКИЕ ДНИ

◆ **Москва.** Том избранных произведений А. С. Пушкина выпущен в свет Гослитиздатом. Об'ем тома—сорок один печатный лист, тираж — 500 тысяч экземпляров. В книге напечатаны «Евгений Онегин», драмы, поэмы, сказки и 50 лирических стихотворений. В тексте — 17 иллюстраций лучших русских художников.

Декаду пушкинских спектаклей проводит в начале июня Государственный академический Большой театр. В юбилейные дни будут показаны новые постановки — опера Чайковского «Мазепа» и балет Глиэра «Медный всадник». Пойдут также «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Дубровский», «Бахчисарайский фонтан» и другие спектакли.

◆ **Ленинград.** Более ста картин, рисунков и скульптур приобретено для открывающегося Всесоюзного пушкинского музея. Среди новых экспонатов — иллюстрации художника К. Рудакова к «Евгению Онегину», «Графу Нулину», «Песне о вещем Олеге», тридцать красочных рисунков В. Милашевского к сказкам Пушкина, двадцать гравюр на дереве худ. Л. Хижинского, посвященных памятным местам в Ленинграде, городе Пушкине и селе Михайловском, и другие.

В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина обнаружены неизвестные автографы Пушкина и материалы о великом поэте. Так, хранящийся в фондах рукописного отдела список стихотворения Пушкина «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои»), при тщательном изучении оказался подлинной авторской рукописью. Обнаруженные материалы передаются в Пушкинский фонд Института литературы Академии наук СССР.

◆ **Киев.** Издательство Академии наук УССР выпустило книгу «Пушкин и Украина». Книга состоит из восьми разделов, знакомящих читателя с произведениями Пушкина в переводах на украинский язык, а также материалами о пребывании поэта на Украине.

◆ **Рига.** В Государственной библиотеке Латвийской ССР открыта выставка, на которой широко представлены произведения великого поэта и материалы о его жизни и творчестве. Отдельный стенд посвящен изданиям Пушкина на латышском языке. Большую выставку открывает в Риге и Литературный музей. Экспонаты отображают влияние Пушкина на развитие латышской литературы.

◆ **Чебоксары.** Чувашское государственное издательство выпускает к юбилейным дням ряд произведений Пушкина на чувашском языке. Вышли в свет «Дубровский» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Скоро выйдет «Евгений Онегин» в переводе П. Хузангая и другие произведения великого поэта.

◆ **Сталинир.** Юго-Осетинское отделение ССП Грузии деятельно готовится к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Местные поэты и прозаики перевели многие пушкинские произведения. Выходит в свет однотомник, куда включены лирика поэта, поэмы, прозаические произведения и «Борис Годунов».

М. ИЛЬИН

МЕЧ ЖИЗНИ

Мы все помним те дни, когда Советская Армия вела бои с врагом на огромном фронте от Ледовитого океана до Кавказского хребта.

И вот снова перед нами карта наступательных действий. Снова, выполняя сталинский стратегический план, идет в наступление огромная армия. Ее командиры носят звания агролесомелиораторов, агрономов, инженеров, бригадиров, звеньевых. Ее вооружение составляют лесопосадочные машины, тракторные плуги, культиваторы, почвоуглубители, машины для устройства дорог, прудов, водоемов.

Словно танки, идут, сотрясая землю, могучие гусеничные тягачи. По черной вспаханной почве продвигаются вперед лесопосадочные машины, оставляя позади себя ряды молоденьких деревьев. Пройдет несколько лет, и они поднимутся кудрявой стеной и загородят путь суховеям.

У бойцов с засухой есть и «холодное оружие». Там, где нельзя ввести в бой лесопосадочные машины, бойцы действуют мечом. С виду посадочный меч несколько напоминает огромные — в рост человека — двуручные мечи, которыми разили врага русские витязи минувших времен.

Посадочный меч — это меч жизни. И вся армия, идущая в наступление против засухи, это армия, несущая с собой жизнь.

Были времена, когда суховеи и черные бури, овраги и движущиеся пески безнаказанно хозяйничали в нашей стране, и никто не мог их унять.

Люди не только не боролись со стихией, они помогали ей опустошать поля.

Крестьянам — на их нищенских наделах — приходилось распахивать каждый клочок земли, каждый склон балки, где только могла удержаться лошадь с сохой. И тогда принималась за работу вода, которая смывала со склона плодородную почву и превращала балку в овраг.

Помещики, у которых были огромные владения, разрушали землю хищническим ведением хозяйства. Не наука, а биржа диктовала законы земледелию. Когда цены на хлебной бирже шли вверх, помещики истощали землю, заставляли ее из года в год давать зерно и только зерно. Чтобы увеличить пахотную площадь, сводили на водоразделах леса — те леса, которые регулировали водное хозяйство страны.

Истребление лесов было равносильно удалению важного органа из организма. Но какое дело было до этого землевладельцам? Деревья в лесу растут медленно, а хлеб растет быстро. Дрова и бревна стоят дешево, а цены на хлеб идут в гору. Пусть же падают вековые дубы, лишь бы не падали доходы землевладельцев! Помните у Островского? «Нужно любовнику ермолку с кисточкой, — она лес продает строевой, береженый, первому плуту».

Великие русские ученые — Докучаев, Костычев, Тимирязев, Вильямс звали к борьбе с засухой, с оврагами, с суховеями и указывали, как надо вести эту борьбу. Они понимали, что природа — единый организм и что для ее преобразования нужны меры систематические и последовательные, как она сама.

Но разве возможно было такое планомерное, научно-продуманное преобразование земли в те времена, когда вся она была разрезана на множество больших и маленьких кусков, когда каждый хозяйничал на своем куске по-своему.

Мудрено ли, что наука о земле, созданная русскими учеными, не могла тогда защитить от засухи русскую землю. Опыты ученых оставались заготовками впрок — для лучшего будущего.

И вот пришло время, когда не одинокие ученые, а целый народ, вооруженный наукой, вышел на поля, чтобы воевать с засухой.

На родине П. А. Костычева, в селе Карнаухове, Шацкого района, Рязанской области, как и во всем нашем степном и лесостепном крае, идет закладка лесных полос. В этой работе принимает деятельное участие секретарь комсомольской организации Ольга Костычева.

То, что не удалось когда-то знаменитому ученому, удается его молоденькой односельчанке и родственнице.

Ему приходилось убеждать людей, что неорошаемую землю можно, хотя, конечно, не вполне, но все же в значительной степени предохранить от действия засух.

А Ольга Костычева без всяких оговорок доказывает делом, что засуху можно победить навсегда, а не только частично.

Наука о земле стала в нашей стране достоянием земледельца, его оружием в борьбе со стихией.

И борьба идет со все возрастающей энергией. Об этом красноречиво говорят цифры сводок: к середине мая план весенних лесопосадок уже был выполнен на 119 процентов! Не в пятнадцать, а в десять лет и даже раньше хотят завершить преобразование степного и лесостепного края наши лесоводы. И это реально именно потому, что лесонасаждением занимаются у нас не только лесоводы и не только земледельцы. Преобразование природы стало всенародным делом. Оттого-то мы и не удивляемся, читая, что в создании государственной лесной полосы Камышин—Сталинград участвуют молодые токари и слесари с Тракторного завода и что эту работу сталинградские комсомольцы обещают закончить не к 1965, а к 1952 году!

Наши лесоводы, колхозники, рабочие знают, что преобразование природы—это путь к изобилию, к небывалому расцвету страны, что каждая победа над стихиями приближает нас к коммунизму.

Пройдет несколько лет, и на пути у суховеев, у черных бурь, у зимних метелей, уносящих снег в овраги, у талых вод, бегущих по склонам в реки, встанут восемь мощных лесных заслонов длиной в тысячи километров, да еще множество полос, ограждающих каждое колхозное поле.

Опыт говорит, что под защитой зеленых лесных стен хорошо удобренная, правильно построенная почва даст в полтора-два раза больший урожай, чем в открытой степи. Такое удвоение урожая на пространстве в 120 миллионов гектаров будет равносильно завоеванию еще 120 миллионов гектаров земли.

Вот как можно завоевывать землю, не отнимая ее ни у кого!

Горький говорил, что есть две природы: одна—не тронутая людьми, другая — пересозданная их умом и волей.

Когда сталинский план будет осуществлен, мы увидим эту вторую природу во всем ее величии.

Но есть еще и третья природа—исковерканная, изуродованная неразумным, хищническим хозяйничаньем. О такой исковерканной, ограбленной природе рассказывают книги американских экономистов, ежегодники Федерального управления земледелия и даже учебники географии США.

«Мы рубим ежегодно в три раза больше леса, чем его вырастает за это же время. Мы не только теряем при этом лес, но и нарушаем водное хозяйство страны и обращаем в пустыни плодородные земли... Несомненно, это трудная задача убедить частных людей так обращаться с принадлежащими им лесами, как этого требуют интересы будущих поколений».

Слова эти взяты из учебника географии США. Автор — американский педагог Джемс Чемберлен, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к коммунизму. Но и он, как видите, вынужден признать, что в капиталистической стране расходятся интересы общие и частные.

Хищническое ограбление почвы уже привело в США к таким результатам:

450 миллионов гектаров полностью разрушено водой и ветром, занесено песком, заболочено, превращено в солончаки. 65 миллионов гектаров сильно разрушено, но еще возделывается, а 40 миллионов гектаров находится в начальной стадии разрушения. (Ежегодник Федерального управления земледелия США «Почва и человек» за 1939 год).

Впрочем, нельзя сказать, чтобы в Америке не предлагались разумные средства для борьбы с разрушением почвы.

Федеральное управление составило даже обстоятельный проект создания полезащитных насаждений. Но составителям проекта пришлось считаться не столько с законами природы и науки, сколько с законами частной собственности: одни владельцы земли не желают, а другие не могут тратить средств на посадку лесов.

Проекты остаются проектами, и черные бури продолжают уносить с полей почвенный покров.

В своей книге «Богатая страна — бедная страна» американский экономист Стюарт Чейз рассказывает анекдот об одном старом фермере из штата Небраска.

Во время пыльной бури, когда все попрятались по домам, старый фермер уселся на пороге своего дома и что-то бормотал, наблюдая за происходящим.

Его спросили:

— Что вы тут делаете в такую бурю?

Старик ответил:

— Я считаю канзасские фермы, которые пролетают мимо.

Стюарт Чейз говорит, что не один только фермер, а весь американский народ сидит на пороге и смотрит, как разлетается по ветру его родная земля. «Еще несколько поколений, — пишет он, — и у нас будут такие пустыни, каких нет ни на одном материке».

Но причина лежит глубже. Причина в том, что капитализм, как саранча, по самой природе своей не может не опустошать землю. В руках хищников даже плуг становится орудием разрушения.

Где же выход?

Для капитализма нет выхода. Вот почему в Америке снова вспомнили давно опровергнутые наукой бредни Мальтуса о том, что «у земли нет сил прокормить людей». Появились «ученые», уверяющие, что Америка слишком мала для американцев, что у них, мол, 45 миллионов лишних ртов.

Старые песни о «народе без жизненного пространства», которые мы уже слышали!

Разграбив запасы природных богатств собственной страны, истощив свою землю, люди, подобные Вильяму Фогту — автору книги «Путь к спасению», мечтают о том, чтобы приняться за чужие земли и чужие запасы.

Но надо полагать, что Фогту и его хозяевам — «торговцам смертью» не удастся увлечь американский народ на путь грабежа и разбоя, на тот «путь погибели», по которому уже совершил свое бесславное путешествие Гитлер.

И сейчас, в дни, когда у всех на устах слова «мир» и «война», когда народы проклинают войну и требуют мира, наша страна дает предметный урок всем.

Смотрите, говорит она, вот та война, которую ведут люди, освобожденные от капиталистического рабства, война за господство над силами природы, за благоденствие наших детей и внуков, война за прекрасное будущее!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Нужна книга о советском автомобиле

В 1948 году научно-техническое издательство машиностроительной литературы (Машгиз) выпустило книгу инженера Ю. Хальфан «Описание конструкций автомобилей иностранных марок». Книгу эту одобрили профессор Г. Зимелев и кандидат технических наук Г. Крамаренко, редактировал ее Л. Афанасьев.

Неизвестно — для чего и для кого выпущена эта книга? 240 страниц изобилуют описаниями конструкции немецких автомашин давно устаревших марок.

Зачем издательству понадобилось восхвалять и пропагандировать устаревшую иностранную технику?

Не полезнее ли было бы издать толковые книги об отечественных машинах? Возьмем, к примеру, автомобиль «Москвич». Это дешевая, широко распространенная машина. Ее покупают шахтеры, ученые, колхозники. Однако Машгиз до сих пор не удосужился издать хорошей книжки, которая помогла бы владельцам «Москвича» правильно эксплоатировать его.

Лично я приобрел машину «Москвич», но как ее правильно эксплоатировать, не знаю только потому, что нет соответствующей книжки для ее изучения. Завод выпустил лишь краткую инструкцию, которая не может удовлетворить даже инженера, не говоря уже о незнакомых с техникой людях.

Инженер-майор П. ЛЕВЧУК

Вот что удорожает чертежи

В проектировании любого сооружения, в конструировании машины или механизма наряду с конструкторами и проектировщиками участвуют также копировщики, снимающие копии с чертежей на восковку. Снятые копии сверяются с чертежами, и только после этого восковки размножаются.

Такой процесс удорожает чертежи на 50—100 рублей за лист. Если же учесть, что у нас есть организации, выпускающие за год десятки тысяч чертежей, то станет понятным, что работа копировщиков обходится государству в миллионы рублей.

Между тем этих затрат можно избежать. Для этого нужно немногое: чертежная бумага, карандаши и резинки должны быть отличного качества.

До войны, когда проектировщики пользовались высококачественной пергаментной калькой, светочувствительной бумагой и хорошими карандашами, чертежи не копировались на восковку, а сразу же размножались в светокопии. Это значительно ускоряло процесс проектирования и снижало его стоимость.

Необходимо резко улучшить качество пергаментной кальки. Она должна быть прозрачнее и прочнее. Карандаши для чертежных работ должны давать жирную, неразмазывающуюся линию на кальке. Надо добиться производства светочувствительной бумаги, отвечающей требованиям печати с карандашного чертежа.

Конструкторские и проектные организации испытывают также острую потребность в хорошей светочувствительной кальке.

Пора, наконец, повысить качество чертежно-конструкторских материалов. Настало время пересмотреть стандарты на их производство.

А. БЕРОН,
лауреат Сталинской премии

Об издании книг писателей-лауреатов

Присуждение Сталинских премий писателям является у нас всенародным праздником. Прочитать книги, отмеченные высокой наградой, хочет каждый. Поэтому я предлагаю: ежегодно по присуждении Сталинских премий «Советский писатель» или Гослитиздат должны издавать премированные произведения в виде библиотеки, присвоив ей постоянное название. Книги лауреатов должны оформляться всегда одинаково, высокохудожественно.

В. ЖМУДСКИЙ.

МОСКВА

Памяти зодчего

Умер Алексей Викторович Щусев — выдающийся деятель советской архитектуры, старейший русский архитектор, академик и действительный член Академии архитектуры СССР. Алексей Викторович Щусев был одним из тех зодчих, которые не только возводят здания, но и ставят все богатства русского архитектурного наследия на службу социалистической культуре.

Щусев был зодчим в самом величественном смысле этого слова. Мавзолей Ленина, воздвигнутый по его проекту, навсегда связан с нашей эпохой, как явление нового стиля архитектурного искусства. Можно по справедливости сказать, что Щусев не строил, а созидал, не только возводил здания, но и украшал ими современность. Каждый его замысел был глубоко продуман, и мы не можем представить себе Москву без великолепного разбега Москворецкого моста; без здания Министерства сельского хозяйства, без гостиницы «Москва»...

Щусев был устремлен к классике, но он был архитектором сегодняшнего дня, и в этом — замечательная особенность выдающегося советского зодчего. Он как бы перекинул мост от одной эпохи к другой в закономерном развитии лучших особенностей русского искусства и в применении их к современности. Ни мы сами, ни наши потомки никогда не пройдем равнодушно мимо зданий, построенных Щусевым. В них есть смелость и широта, монументальность, которая как бы пространственно уводит в будущее.

Щусев глубоко понимал зодчество братских республик и использовал в своем творчестве его богатства. С именем Щусева связана архитектура Ташкента, где им построен замечательный театр; Тбилиси, где по его проекту воздвигнуто здание филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина; Кишинева, в котором давно уже одна из улиц названа именем этого зодчего.

Щусев одним из первых пошел по следам разрушений минувшей войны. Проекты восстановления Новгорода, Истры, Кишинева, Пулкова — это его работы. Он строил уже не отдельные дома или ансамбли, а целые города с магистралями, площадями и парками. Вспомним, что Щусеву было уже свыше 70 лет, и поразимся неутомимой жизнедеятельности этого поистине выдающегося архитектора.

Обращаясь к нашей эпохе, к годам, когда осуществлялся великий сталинский план преобразования Москвы, будущий историк искусства с уважением и признательностью обратится к зданиям, построенным Щусевым, к его проектам восстановления русских городов. И он присоединит имя Щусева к замечательным русским зодчим, создававшим славу нашей архитектуры.

Вл. ЛИДИН

ЗА БОЕВУЮ СОВЕТСКУЮ САТИРУ!

На всесоюзном совещании сатириков и юмористов

25 мая в Центральном доме журналиста открылось созванное редакцией журнала «Крокодил», Союзом советских писателей СССР и Оргкомитетом Союза советских художников СССР всесоюзное совещание писателей-сатириков и фельетонистов и художников-карикатуристов.

Доклад Б. Горбатова «Сатира и юмор — оружие большевистской печати» был посвящен состоянию и задачам советской сатиры и юмора.

Затем с докладом выступил главный редактор журнала «Крокодил» Д. Беляев. Говоря о задачах, которые поставлены перед новой редакционной коллегией Центральным Комитетом ВКП(б), докладчик особо отметил указание партии, что основной задачей журнала является борьба с пережитками капитализма в сознании людей. Журнал должен оружием сатиры обличать расхитителей общественной собственности, рвачей, бюрократов, проявления чванства, угодничества, пошлости; своевременно откликаться на злободневные международные события, подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывая ее идейное ничтожество и вырождение.

Руководствуясь большевистским принципом сочетания опыта старых кадров с выдвижением и воспитанием молодых работников, редакция стремилась привлечь как можно больше новых авторов и художников. С этой целью был выпущен специальный номер журнала «Впервые в «Крокодиле». Подготовка и выпуск его был большим шагом к сближению редакции «Крокодила» с читателями и новыми авторами.

Усиление связи с читателями и авторским активом позволило в 24 номерах журнала, выпущенных новой редколлегией, напечатать произведения более чем 80 авторов, ранее мало или совсем не печатавшихся в «Крокодиле», и более 30 рисунков художников, не работавших в журнале.

Для того чтобы стать подлинно боевым органом советской сатиры и юмора, редакции журнала нужно преодолеть еще многие недостатки. Мало разнообразия жанров сатиры и юмора, недостаточно материалов, связанных с темами производства, благоустройства быта и т. д.

Журнал поздно откликается на злободневные политические события, происходящие в нашей стране и за рубежом. Публикуются слабые произведения и рисунки.

За последнее время секция сатиры и юмора Союза писателей улучшила свою деятельность, секретариат Союза советских писателей усилил помощь «Крокодилу». Однако этого еще недостаточно.

Комиссия по критике и теории литературы ССП совершенно не занимается критикой этого жанра, со страниц литературно-художественных журналов исчезли отделы сатиры и юмора; издательство «Советский писатель» чурается писателей — сатириков и юмористов.

С содокладами выступили редактор украинского журнала «Перець» Ф. Макивчук, редактор белорусского журнала «Вожык» М. Чаусский и ответственный секретарь грузинского журнала «Нианги» («Крокодил») С. Пашалишвили.

Каждый из докладчиков подчеркивал благотворное влияние, которое оказало постановление ЦК ВКП(б) «О журнале «Крокодил» на работу республиканских журналов.

В 1946 году «Правда» сурово критиковала журнал «Перець», с большевистской прямотой отметила его крупные недостатки. Политбюро ЦК КП(б)У приняло тогда постановление о журнале, направленное на коренное улучшение его работы.

С тех пор прошло немало времени. Писатели—сатирики и юмористы, редакция журнала приложили много усилий к тому, чтобы сделать журнал подлинно острым оружием партии.

«Перець», оторванный ранее от жизни и не проявлявший необходимой требовательности к идейному уровню и художественному качеству фельетонов, стихов и рисунков, обратился к насущным темам современности.

Если раньше круг интересов журнала замыкался в мелких бытовых вопросах, дрязгах коммунальной кухни, семейных скандальчиках, то после постановления ЦК КП(б)У редакция повела борьбу за отражение главнейших тем жизни Украины. О действенности материалов журнала говорит следующий случай: «Перець» поместил карикатуру о том, что именно препятствует севу кукурузы в северных областях республики. Руководители этих областей, не желая лишних хлопот, всячески пытались избавиться от этой культуры. На рисунке было изображено, как кукуруза идет в бой на север, но ее путь преграждает крепость, откуда по кукурузе ведут огонь «катюши» — чернильницы, ружья—ручки с перьями и т. п. Карикатура получила высокую оценку общественности.

По инициативе товарища Н. С. Хрущева редакция журнала 150-тысячным тиражом выпускает многокрасочные плакаты-карикатуры. Плакаты рассылаются в районы и села, где на основе местного материала делаются подписи к рисункам. «Перець» и Украинское отделение ТАСС печатают массовым тиражом карикатуры, стихи, частушки и рассылают их в районы.

Украинские писатели-сатирики считают, что связь между сатирическими журналами налажена еще очень слабо. Например, в библиотечке «Крокодила» не издаются произведения сатириков братских литератур.

Редактор белорусского журнала сатиры и юмора «Вожык» М. Чаусский подробно рассказал о работе редакции.

Наряду с разоблачением чуждых влияний буржуазной идеологии и борьбой с пережитками капитализма в сознании людей одной из главных задач журнал «Вожык» считает создание материалов, утверждающих советскую действительность.

Выполняя указания ЦК КП(б) Белоруссии, журнал привлек опытных писателей и поэтов, а также молодых авторов. «Вожык» расширяет связи с читателями, поднимает на своих страницах важные темы современности — о жизни колхозной деревни, коммунистическом отношении к труду, духовном облике советского человека. Однако в работе журнала есть еще много недочетов, еще проникают на его страницы, хотя и изредка, безидейные, низкие по качеству литературные произведения и рисунки.

До сих пор при Союзе писателей Белоруссии, так же как и при Союзе писателей Украины, нет секции сатиры и юмора. Писатели принимают слабое участие в работе журнала.

— Грузинский сатирико-юмористический журнал существует 26 лет, — сказал ответственный секретарь журнала С. Пашалишвили.—За это время он завоевал прочный авторитет у широкого читателя.

Грузинская литература создала в прошлом много блестящих сатирических произведений. Достаточно назвать имена писателей, работавших в этом жанре,—И. Чавчавадзе, А. Церетели и других. И сейчас известные грузинские советские писатели Ш. Дадиани, Г. Абашидзе, И. Абашидзе, И. Гришашвили, К. Каладзе и другие печатают в журнале свои произведения.

Недостатками журнала являются неудовлетворительное состояние массовой работы, слабое знание жизни районов республики, журналу недостает смелости в постановке острых вопросов. Полиграфическая база не дает возможности улучшить его внешний облик.

Центральный Комитет КП(б) Грузии уделяет большое внимание поднятию идейно-художественного качества журнала. Этого нельзя сказать о Союзе советских писателей и Союзе советских художников Грузии. Они не следят за работой писателей и художников, работающих в жанре сатиры и юмора, не обсуждают их произведений.

Юмористические и сатирические произведения пользуются в Грузии большой любовью. Поэтому от нас справедливо требуют улучшения работы и так же справедливо отмечают много недостатков. Редакция «Нианги» приложит все усилия к тому, чтобы искоренить существующие недочеты в своей работе, создать высокоидейный, образцовый сатирико-юмористический журнал.

26 и 27 мая состоялись заседания секций прозы, поэзии и карикатуры и обсуждения докладов.

Александр ЖАРОВ

Поэты Сибири

Сибирские поэты выступили с новыми произведениями в своем отчетном сборнике «Из новых тетрадей» (редактор А. Смердов). Следует отметить с сожалением отсутствие в сборнике стихов А. Ольхона, И. Рождественского, А. Смердова, Н. Молчанова-Сибирского. Наряду с именами, уже известными читателям, здесь представлены имена новых молодых поэтов. Это прежде всего Иван Ветлугин. Мотивы военной победы народа чередуются у И. Ветлугина с мотивами мирного созидательного труда. Поэт рисует вестника партии, сельского агитатора. Хорошо передано ощущение весны, входящей в колхоз вместе с агитатором.

Он слова свои простые
Так умел произнести,
Что они в часы любые,
Словно зерна золотые,
Падали в сердца людские,
Чтоб делами прорасти!..

Душевный под'ем сочетается у И. Ветлугина со смелой и верной патриотической мыслью в таких стихах, как «Мать», «Генерал», «На исходном рубеже». Менее выразительны «Упорство» и «Счастье».

Другой молодой поэт Юрий Гордиенко нашел хорошие и точные слова в стихах, посвященных освободительному походу Советской Армии в Корею.

И в той стране, куда пути не близки,
Где крыши пагод в виде пирамид,
Народы нам воздвигли обелиски
И наши звезды врезали в гранит.

Искусство тонких зарисовок, умение обобщить рассказанное особенно ярко проявляются в большом стихотворении «Письмо к Вере Цой», взволнованно повествующем о женщине Кореи.

Встречаются у Гордиенко и слабые стихи, например, «На горной дороге», «Песенка южан».

Казимир Лисовский, печатавший в московских журналах отдельные стихи о мужественных людях Сибири, открывателях новых богатств Родины, развивает эту тему в поэме «Русский человек Бегичев». Поэма Лисовского — самое крупное по об'ему произведение сборника. Рядовой русский землепроходец Никифор Бегичев, прославившийся своим участием в изыскательских экспедициях на Крайнем Севере в первые годы революции и погибший на своем благородном посту, близок нашим современникам, прокладывающим пути в неосвоенные земли полярных просторов.

Бегичеву удалось ценою упорства и многих испытаний пробиться к новым месторождениям.

Это — главная линия поэмы, которая, к сожалению, заслоняется в отдельных местах ненужными отступлениями, надоедливыми повторами в описании одних и тех же явлений природы.

Портит поэму непомерно растянутый эпизод путешествия Бегичева на розыски погибших норвежцев. Этот эпизод должен остаться лишь в том об'еме, какой необходим для подчеркивания благородства души Бегичева. Иначе — он затемняет идейный смысл произведения.

Отрадно отметить, что голоса старших поэтов-сибиряков, таких, как Илья Мухачев и Никандр Алексеев, сливаются с молодыми голосами. Чувством весны, молодости, без которой нет настоящей поэзии, проникнуты многие стихи И. Мухачева. Юношеская зоркость, устремление в сторону передовых явлений советской действительности ощущаются в его стихах «Самоцветы», «Идут эшелоны», «Кулундинская зима».

Зрелость поэтического мастерства И. Мухачева, его стремление освоить новый материал трудовой жизни советских людей наиболее полно сказались в стихотворении «Кулундинская зима». На улице мороз и вьюга, а в колхозной кузнице бушует огонь, разгорается жар работы.

И за темной стеною где-то
В механической мастерской
Начинаются громы. Это
Трактор пробует голос свой.

Сквозь метель и вьюгу, сквозь огонь горна поэт хорошо разглядел новые приметы весны и дал почувствовать читателю пафос труда колхозников.

Кулундинцы весну встречают
В звонком, искристом январе.

Менее удачны стихи И. Мухачева «Осень», «Друзья» и «Строитель», отличающиеся созерцательностью, риторикой.

Конкретны и убедительны стихи Н. Алексеева «Подруги», «Дорога», «Обь», где он опирается на живые, невыдуманные обстоятельства. Тут поэтический голос его звучит сильно, впечатляюще. Тогда же, когда поэт идет не от живой действительности, а от собственной фантазии, голос его срывается, рассыпается профессиональный опыт, накопленный за многие годы. Пытаясь заполнить пустоты, поэт десятки раз призывает на помощь слово «песня». Труд у него «сдобрен песней», «песня поет» (сама себя?), «песня летит», «песню запевают», песне подпевают, ее перепевают.

Совершенно сумбурно стихотворение Н. Алексеева «Магистраль». Воспоминания о Великой Отечественной войне, безусловно, должны находить место в нынешней поэзии. Но мы вспоминаем об испытаниях войны, как победители, с гордым сознанием нашей силы, а Н. Алексеев рисует одно смятение. Его лирический герой мечется по перрону, обуреваемый добрым желанием помочь фронту. Помощь фронту идет по магистрали в составах мимо этого «героя», который погружает в вагон лишь свою «душу и мысль», а сам остается на перроне, надрывно вопия:

Иль опять мне бродить по перронам,
Ждать, когда даст сигнал семафор?

В стихотворении говорится о помощи, которую оказывала Сибирь фронту. Но неврастеничный персонаж, выказывая свою крайнюю беспомощность, «бродит», «наблюдая движенья колес», и этой странной ролью наблюдателя сводит на-нет весь благой замысел стихотворения.

Жаль, что этой «манере» во многих стихах следует молодой поэт Л. Кондырев. Кондырев ухитряется покрывать густым слоем декадентской пыли даже стихи на современные темы. Он описывает советских тружеников — автогенщика, землекопа, каменщика, но изображает их не такими, каковы они в жизни, а условными фигурами, засыпанными мишурными блестками, разукрашенными сусальными вычурностями эстетского словаря. Над землекопом у него — «клекот орлов», возле землекопа —

Зной угасал над плоскогорьем ржавым,
Туда, где в корчах бился саксаул.

Много бутафории вокруг кондыревского землекопа, которого читатель так и не увидел.

О мастерах метро Кондырев говорит, что в туннелях «труд их не зачах». Незначительно и неинтересно содержание стихотворения «Полотенце», в котором происходит лишь то, что старик, вытканный на полотенце, ловит рыбу «в сказочном узоре». Формалистской узорчатостью испещрено стихотворение «Ваза». Неизвестный мастер ушел в «незнаемые дали» и после этого создал такой узор на вазе, что...

Человеческому глазу
Всю жизнь высот раскрыла ваза.

Как все это далеко и от жизни, и от поэзии! Как много у Л. Кондырева всяческих выкрутасов, затемняющих мысль и чувство. А ведь он—поэт даровитый, об этом говорят его же стихи «Лагерь», «Лен».

Из работ поэтической молодежи хотелось бы отметить еще хорошее стихотворение П. Морякова «Ахпун». Немало ярких строк у В. Федорова. Но некоторая отвлеченность и есенинские интонации в раздумьях мешают ему подойти вплотную к проблемам и темам жизни сегодняшней. Приблизительно тот же грех и у Е. Павличенко, срывающего голос на крике:

Такие мы люди поры неминучей!

Что сие означает — понять нельзя.

В сборнике напечатаны стихи Е. Стюарт «День Победы» и «Десятиклассникам». К сожалению, рядом с ними напечатаны ноющие, тоскливые стихи «Средь черных искалеченных лесов». Е. Стюарт уподобляет сердца советских людей минированной земле.

Есть и в сердцах такие уголки,
Которых лучше не касаться тоже,
Иначе захлебнешься от тоски,
Воспоминаньями ее умножив.

Не к лицу это унылое самокопание советской поэтессе, опубликовавшей недавно в «Сибирских огнях» удачную поэму «Анна».

Ошибки и ляпсусы, конечно, снижают ценность сборника поэтов-сибиряков, но не они определяют его лицо. В целом «Из новых тетрадей» является свидетельством под'ема в поэтической жизни Сибири.

«Из новых тетрадей». Стихи сибирских поэтов. Новосибгиз, 1949, 160 стр.

ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ

Горьковчане тт. Беляков и Таршин в своем письме в редакцию указывали на серьезные недостатки в деятельности Горьковского городского совета. В частности, в письме говорилось о неудовлетворительном ремонте жилищ, о плохой работе внутригородского транспорта.

Как сообщает нам заведующий отделом городского хозяйства Горьковского горкома ВКП(б) тов. Маслов, факты, приводимые в письме, в основном подтвердились.

Приняты меры к упорядочению работы трамвая и автобусов. На капитальный и текущий ремонт коммунального жилого фонда в 1949 году будет израсходовано 19 миллионов рублей. Горком ВКП(б) обязал исполкомы городского и районных советов депутатов трудящихся установить повседневный контроль за использованием этих средств. Пленум горкома утвердил план работ по благоустройству г. Горького.

***

Читатель тов. Арбатский внес рационализаторское предложение, облегчающее труд библиотекарей при обработке ими новых книг. По мнению тов. Арбатского, шифр и авторские знаки на книгах должны печататься типографским способом при издании книг.

Как сообщил редакции директор Когиза тов. Грушко, предложение тов. Арбатского совершенно правильно. Вопрос об обработке книг непосредственно издательствами в ближайшее время будет поставлен перед Главполиграфиздатом.

В. ЕРМИЛОВ

НАШ ПУШКИН

«Чтоб поэтически воспроизводить действительность, — писал Белинский в своей статье о Пушкине, — мало одного природного таланта: нужно еще, чтоб под рукою поэта была поэтическая действительность...»

Странно, казалось бы, говорить о какой бы то ни было «поэтической действительности» применительно к страшной, казематной, палаческой, убившей Пушкина, николаевской эпохе феодально-крепостнического рабства. Под «поэтической действительностью» Белинский понимал действительность, способную вдохновить поэзию размахом событий, их историческим значением, общенародным под'емом.

«...12-й год, — писал великий критик, — потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... возбудил народное сознание и народную гордость».

Пушкину было тринадцать лет во время эпопеи 1812 года; в тринадцать лет он уже стал поэтом и, подобно герою своей сказки, славному и могучему богатырю Гвидону Салтановичу, рос «не по дням, а по часам» и потому очень быстро

...на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко;
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Рано, очень рано Пушкин «вышиб дно и вышел вон» из плена устаревших догм и канонов придворно-аристократического «классицизма», чуждого народу и народной жизни, из-под власти неопределенно-мечтательного романтизма с его устремлением «куда-то ввысь», и ступил на твердый берег реальной действительности, реальной народной жизни, с ее земными бурями и страстями, с ее подлинной поэзией. Этой быстроте роста национального поэта способствовало захватившее его с младых лет чувство силы и богатства русского народа, восхищение героизмом народа, чувство поэтичности самой действительности, полной дотоле небывалых возможностей, величие справедливой войны против иноземных поработителей.

Юный Пушкин ревновал к славе и подвигам победителей Наполеона, жалел, что не разделил их воинских трудов, — об этом свидетельствуют его лицейские стихи, проникнутые сыновним уважением и восторгом перед защитниками отечества и юношеской досадой на то, что ему не пришлось сражаться в их рядах. Но стихия боя, волны патриотического под'ема влились в его чуткую, восприимчивую ко всему великому и героическому, страстную душу так, словно бы он сам сражался на полях Отечественной войны.

Патриотическая гордость, наполнившая Пушкина в юности, становилась с годами все более зрелой и глубокой и звучала в его душе, в его поэзии торжественным гимном, который и в наши дни находит живой отклик в сердце советского человека:

Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
(«Клеветникам России»)

Прямым следствием патриотического народного под'ема явилось начало русского **революционного** движения. В сознании передовых людей эпохи самые понятия **патриотизма** и **свободолюбия**, революционности выступали в неразрывности, являлись двумя сторонами единого целого: патриотизм был немыслим без свободолюбия, стремление к свободе — без патриотизма. Слова: **патриот** и **друг свободы**, а для наиболее передовых людей: **патриот** и **революционер** были синонимами. Движение декабристов возникло сразу как **патриотическое и революционное**, явившись таким же выражением общенародного под'ема 1812 года, как и поэзия Пушкина. Именно сочетание патриотического и революционного начал, патриотически-революционный характер освободительного движения эпохи, ознаменованной 1812 годом, и являлся **поэтической действительностью**, составившей основу, первопричину, глубокий и чистейший источник пушкинской поэзии.

Энергия народа, разбуженная громами Отечественной войны, была велика, и нелепо было думать, что этот под'ем уложится в рамки, отведенные ему правящим классом, царским правительством, реакционной массой дворянства; нелепо было думать, что «дубина народной войны», проломив череп наполеоновского «самовластия», только этим и ограничит свое действие и что хотя бы у некоторой части крепостных крестьян, живо помнивших «пугачевщину», не проснется желание обрушить эту дубину и на «своих» угнетателей народа, подобных помещику Троекурову из повести «Дубровский», и их челяди, тиранически властвовавшей над «селами Горюхиными». Необ'ятное море народной жизни не было спокойным, то тут, то там вздувались

...сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.

За период от 1813 по 1825 год произошло свыше 500 крестьянских волнений. В эти годы крестьянские волнения напоминали порою, по своему размаху, «пугачевские» времена: таковы были волнения в Екатеринославе, которые наблюдал Пушкин, волнения на Дону. Бунтовали рабочие на уральских и других заводах; шли брожения среди военно-поселенцев: в 1820 году в самой столице — в Петербурге — вспыхнуло восстание в Семеновском полку. В прокламациях семеновцев говорилось о царе и дворянах: «тиран тиранов защищает». Слово «тиран» одинаково применялось и к Наполеону, и к российскому самодержцу, точно так же, как пушкинская строфа, начинавшаяся словами «Самовластительный злодей», относилась к тому и другому.

Движение декабристов, которых Ленин определил, как дворянских революционеров, было выражением оформившегося национального сознания и стремления народа к свободе, хотя декабристы и были очень далеки от народа и их страшила мысль о возможности повторения «пугачевщины», мысль о крестьянском восстании. Тем не менее, при всей своей неизбежной классовой и исторической ограниченности, декабристы были подлинными героями русской истории, чья преданность и любовь к народу и Родине, способность к подвигу самоотвержения, благородство, мужество завоевали им вечную благодарную память у потомков.

В статье «Памяти Герцена» Ленин писал:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян».

В статье «Роль сословий и классов в освободительном движении» Ленин, характеризуя эту смену трех поколений, трех классов в революционном движении, подчеркивал: «как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это—эпоха от декабристов до Герцена... Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли **разбудить** народ».

Декабристы были беззаветно преданы свободе, и мы можем сказать, что их дело, их жертва, их подвиг не пропали напрасно, а сыграли большую роль в подготовке русской революции, в преемственной связи трех поколений русских революционеров.

Пушкин формировался в той же духовной и политической атмосфере, в какой формировались и созревали декабристы, и если он непосредственно не входил в организацию будущих героев 14 декабря 1825 года, то это происходило отнюдь не в силу каких-либо его разногласий с декабристами, а совсем по другим причинам. Декабристы не хотели вовлекать Пушкина в организацию, главным образом, потому, что Пушкин с момента его первой ссылки на юг (в 1820 году) являлся поднадзорным, за каждым его шагом следила полиция; с конспиративной точки зрения Пушкин был крайне **неудобен**. Он был слишком **видным лицом** в России. Что же касается самого Пушкина, то он всею душой хотел участвовать в революционной организации. Лучшие, ближайшие друзья Пушкина были среди декабристов, а тот человек, о котором он говорил: «мой первый друг, мой друг бесценный»—И. И. Пущин являлся одним из наиболее левых представителей декабристского движения, организаторов восстания 14 декабря 1825 года.

Не будучи членом тайного общества, Пушкин был страстным поэтом декабристского движения, его пламенным пропагандистом. Александр I боялся и ненавидел поэта; он жаловался, что Пушкин «наводнил Россию возмутительными стихами: вся молодежь наизусть их читает». «Революционные стихотворения Рылеева и Пушкина, — вспоминал Герцен, — можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи... Целое поколение пережило влияние горячей юношеской пропаганды». «Вослед Радищеву» Пушкин восславил свободу. Продолжая радищевскую традицию и намечая направление будущей некрасовской музы «мести и печали», Пушкин восставал против главного зла того времени — крепостного права.

Сколько гнева и возмущения в изумительном по своему народолюбию стихотворении «Деревня»! В оде «Вольность» Пушкин звал: «Восстаньте, падшие рабы!..» В граненых строках «Кинжала» он ставил тему пареубийства.

Революционизирующая роль пушкинских стихов, их огромная популярность явились причиной ссылки поэта на юг. Пушкин первый начал распространение нелегальных, бесцензурных политических стихов, — и Пушкин же явился первой жертвой самодержавия в его борьбе с развивавшимся освободительным движением дворянских революционеров.

Да, он был таким же сыном 1812 года, как и все декабристы, и для него мысль о Родине и мысль о свободе сливались в единое целое.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Неразрывная связь патриотизма с революционностью нашла изумительное по ясности и глубине выражение в записи Пушкина: «Только революционная голова... может любить Россию—так, как писатель только может любить язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». В этих словах сказалось и представление Пушкина о **литературной** деятельности, как о **революционной** и **патриотической**. Только **революционер** может быть **патриотом**. Разве можно не назвать эту мысль Пушкина гениальной!

Радость общенационального под'ема в Отечественной войне не помешала Пушкину очень трезво видеть **приспособленчество** массы дворянства к народному патриотизму. О каким сарказмом рисует он картину дворянского «патриотического под'ема» 1812 года!

«Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы всхрюкнули.

Гонители французского языка и Кузнецкого Моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

А. С. ПУШКИН

Автолитография худ. А. ПРУДСКОГО

Как убийственна пушкинская ирония над этим показным, конечным «патриотизмом» тех, кто проповедывал народную войну, собираясь улепетывать в глубокий тыл и защищаться руками народа, который они держали в рабстве! И как сурово, правдиво, по-пушкински весомо и лаконично звучат на этом фоне простые слова: **народ ожесточился**, — слова, выражающие правду чувств, подлинность патриотических переживаний: мы чувствуем в этих прямых словах действительную готовность народа к непримиримой борьбе за отечество, к жестокой борьбе, той, которую впоследствии Л. Толстой назовет «дубиной народной войны». И как иронично звучит соседство двух слов: **«простонародные** листки **графа** Растопчина». Эти листки выражали именно приспособленчество, ёрническое подлизывание «барства дикого» к народу в минуту опасности, подделку под «народный стиль» людей, никакого представления не имевших о народном языке, давно ставших иноземцами в своем отечестве.

Под'ем патриотического чувства, вызванный 1812 годом, был направлен и против «своих» чужеземцев, «своих» захребетников, всевозможных Нессельроде, Бенкендорфов, Дубельтов, а также Романовых, у которых не оставалось уже, кроме фамилии, ничего русского.

***

Такова была почва пушкинской поэзии, та русская действительность эпохи 1812 года и последующих годов, которая взрастила эту поэзию, сделала возможным ее появление. Народ, сознавший себя богатырем, породил богатырскую поэзию. И недаром Пушкин так любил богатырские мотивы, жадно вбирая в свою душу все, что создано было в народном творчестве, в народных преданиях. Его первая юношеская — и такая музыкально-гармоническая, сказочно-чудесная поэма «Руслан и Людмила» была богатырской шуткой; в каждой строчке «сплушка по жилушкам» переливалась, все окрашено было юношески веселой и вместе мудрой улыбкой; это была **радость силы**, сознающей себя, улыбающейся жизни, здоровью, солнцу, любви; это была радость предчувствия «нового мира творчества, который открывал Пушкин всеми своими первыми произведениями», а успех поэмы у читателей представлял собою «обольщение невиданною дотоле новинкою... В этой поэме все было ново: и стих, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами». Так писал о поэме Белинский. У ненавистников «Руслана и Людмилы» вызвал возмущение народный, демократический и глубоко патриотический «русский дух» всей поэмы. Характерен отзыв одного из таких ненавистников — отзыв, в котором антидемократизм сплетен с антипатриотизмом.

«...Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. **сказки** и **песни** народные. Что о них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения ...но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык... то я вам слуга покорный!

...Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание **Еруслану Лазаревичу?** Извольте же заглянуть в 15 и 16 №№ «Сына Отечества». Там неизвестный пиит **на образчик** выставляет нам отрывок из поэмы своей **Людмила и Руслан** (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с поготь, а борода с локоть, придает еще ему бесконечные усы (С. От. стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и пр. Позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы бычным голосом: **здорово, ребята!** Неужели бы стали таким проказником любоваться?.. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялися между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна».

Все чрезвычайно показательно в этой, с позволения сказать, «рецензии», подписанной ёрнически-простонародным псевдонимом: «Житель Бутырской стороны» и принадлежавшей перу одного из учеников Каченовского — профессора Московского университета, яростного сторонника придворного стиля и языка, брезгливо сторонящегося всякой простоты, жизненности, реализма и народности. Какое снисходительно-барское презрение к богатейшему достоянию народного творчества!

Статейка «бутырского критика» была не просто злобной: нет, он предлагал всему фронту реакционной журналистики сговор, комплот против нового, демократического, народного начала в поэзии. Но, вместе с тем, как точно выразил дворянский критик классовую правду: да, вместе с «Русланом и Людмилой» начинал входить в литературу «странный гость», в армяке и в лаптях, со своим русским, народным духом, и голос у него был достаточно зычный, так что его «Здорово, ребята!» прозвучало на всю литературу. Пока он только «проказничал», но потом те же «бутырские критики» могли видеть его, — тоже в армяке или тулупе, — уже в виде кузнеца Архипа в «Дубровском», Пугачева в «Капитанской дочке», Разина в знаменитых **разинских** песнях Пушкина. Лиха беда начало, — впоследствии мужик разговорился в «Записках охотника», а потом вдруг заговорил зычным голосом Льва Толстого. В конце концов, «бутырскому критику» нельзя отказать в известной классовой проницательности.

Да, «Руслан и Людмила» была шуткой, но это была мудрая шутка духовного силача, это «проказил» народный великанский дух. Так и чувствуется в каждой строке, что произведение такой гармонической ясности, такой любви к жизни, к «краснощекому здоровью» (пушкинские слова из стихотворения «Бог веселый винограда»), наполненное таким веселым восторгом перед русской силой, удалью, такой светлой верой в удачу, в счастье, в любовь, верность, в победу над всяческими иноземными «карлами»,—такое произведение могло появиться в свет только после 1812 года.

Борьба Пушкина за реализм была прямым выражением его патриотизма и народности. Трагически чувствуя все чудовищное безобразие, дикость крепостнической действительности, ее смертельную враждебность какой бы то ни было поэзии и красоте, Пушкин понимал, что **настоящая** русская действительность — «поэтическая действительность» по Белинскому — заключена в народной жизни, в народном характере, и что будущность России связана именно с **этой**, хотя и задавленной и угнетенной, но все же более **реальной**, с точки зрения будущего, действительностью, чем николаевская эпоха со всеми ее ужасами и бесчеловечием. Оптимизм пушкинской поэзии определяется именно этим, как и его **борьба за реалистический стиль литературы**. Добролюбов прекрасно сказал, что Пушкин произвел **открытие действительности**.

Пушкину была чужда неопределенная мечтательность романтизма школы Жуковского, неясные «порывы вдаль», уход от реальной жизни, связанный с непониманием поэтичности живой русской, народной действительности, русской истории. Русский национальный характер не мог выразиться в поэзии «небесного» романтизма; неясность мечтательного порыва, грусть о несбыточном, уход от реальности, — то, что входило тогда в понятие: романтизм, — чуждо русскому уму, русской ясности, здравому смыслу, **чувству реального**, — этим свойствам, присущим народу, прочно стоящему на земле, призванному к большой исторической жизни.

***

Поэзия Пушкина поражает своим всеоб'емлющим характером, неисчерпаемым многообразием выраженных в ней чувств. Все находило отклик в его свободной, беспредельной и глубокой, как море, душе. Пушкин говорил своей поэзией: как прекрасны все чувства и мысли этого героического, могучего народа, как светел его разум, как ясно его отношение к жизни, как прекрасны все человеческие проявления этого народа, как прекрасно **все человеческое!** Для него не было большей красоты на земле, чем человек, и поэтому так любил, так преклонялся перед пушкинской поэзией Горький, для которого не существовало на земле ценности, дороже и святее человека. Вся лирика Пушкина проникнута восхищением перед человеком. Вспомним один из гениальнейших образцов пушкинской светлой и изящной простоты в выражении этой мысли (стихотворение «Буря»):

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Художник сгустил в нарисованной им картине, — огромной по масштабу и с пушкинской лаконичностью уложившейся в рамки столь маленького стихотворения, — **все величественное** и **прекрасное**, что из века в век вдохновляло и всегда будет вдохновлять живопись, поэзию, музыку: бушующее море, грозное небо, озаренное мгновенными вспышками молний, скала, поднимающаяся над волнами, — уже это **само по себе** составило бы содержание великолепной картины или величественной и страстной симфонии. Но все это величие, вся эта бурная, буйная красота легла в подножье юной деве, чью фигурку художник поставил на скале, возвышающейся над морем, как на постаменте изваянного им памятника, прославляющего милую и простую красоту человека, красоту, выше и дороже которой нет ничего ни на земле, ни на «небесах». И это белое летучее покрывало, с которым «ветер бился и летал», столь наивное на таком фоне, окрыляет, утепляет, укрощает грозный ветер, который вместе с этой маленькой деталью становится совсем иным, каким-то человеческим, если только можно так выразиться. И вся разбушевавшаяся, величественная стихия природы была бы только дикой, и даже — какой-то глупой, при всем своем величии, если бы она не была очеловечена и укрощена простенькой девичьей фигуркой, такой маленькой и, казалось бы, беспомощной, ничтожной — крохотным пятнышком перед лицом подавляющих стихий. Гораздо легче пугать человеческое воображение подавляющим величием, жестокостью, бездушной холодностью природы, чем взять да бросить ее к ногам человека. Поэзия средневековья, поэзия романтизма, поэзия декаданса, поэзия религиозная и мистическая, поэзия идеалистическая возносит природу над человеком, испокон веков внушая последнему «страх божий», убеждение в ничтожности, суетности, бесплодности всех человеческих мечтаний и стремлений, всего человеческого. Поэзия Пушкина материалистична, человечна.

И все пушкинские картины так же гениально просты и—в самом высоком значении этого слова—человечны.

Пушкин восславил все истинно человеческое; вместе с героическими чувствами преданности родине и свободе, разуму, культуре, науке, готовности защищать все это хотя бы ценою жизни, — он восславил любовь, влюбленность, дружбу, чистоту и ясность во всех областях человеческой жизни. Нецельности, раздробленности чувств поэт противопоставил образ верности, ту цельность проявлений личности, которая присуща **народной** душе и которая отличает Татьяну—этот первый в литературе образ русской женщины.

Была ли какая-нибудь сторона человеческой души, которой не коснулась бы пушкинская поэзия и, тронув любое человеческое чувство «перстами легкими, как сон», не облагородила его!

Молодость, зрелость, старость — все возрасты смело могут учиться у нашего национального гения культуре человеческих чувств и отношений: Пушкин не обманет, он — верный **друг человечества** (так с полным правом сказал он о себе в стихотворении «Деревня»). От простейших до самых сложных — все чувства осветила его мудрая поэзия своим **веселым** (Пушкин — **веселое** имя! — сказал Александр Блок), солнечным светом. **Здоровье**, нравственное и физическое, всегда присутствует в пушкинской поэзии, и ее веселье — это веселье мудрости и гармонии, радостная игра могучих человеческих сил.

Всегда у Пушкина веселье, молодость, влюбленность, любовь, дружба освещены мудростью, светом Разума. Вечно останется гимном человечества русский гимн в честь веселья и мудрости, великая «Вакхическая песня».

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Эти пророческие стихи мог создать только русский гений — гений того народа, которому история предназначила итти во главе всего человечества, освещая ему путь светом свободного Разума, — солнца, торжествующего победу над тьмой. И только он, наш национальный гений, мог воспеть разум, как праздник ясности и свободы, как высшее торжество человека. Когда мы говорим: Да здравствует Пушкин! — мы говорим этим: Да здравствует Разум! Да здравствует Солнце! И—да скроется тьма!

Силы тьмы травили, душили его, гнали из ссылки в ссылку, готовили для него пулю своего наемника. Но разве они могли убить **такую** силу любви к разуму, к родине, к человечеству, к жизни! Пушкин до конца своих дней сохранил свою солнечную ясность. В его бумагах был найден набросок, относящийся к самому концу его жизни, к 1836 году.

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю,
Душа не вовсе охладела,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых слов воображенья,
Для чувств . . . . . всего . . .

В черновиках находим и такие слова:

Зачем . . . . . .
Могилу темную . . . . . .
Что в смерти доброго? . . .

Что может быть человечнее этого вопроса, неожиданное простодушие которого своею естественностью так трогает сердце, вызывая улыбку уважения и любви к **простодушному гению** (гений простодушен! — это любимая мысль Пушкина) поэта, умевшего так непостижимо-просто, по-человечески, по-русски выразить в четырех словах и бесхитростную насмешку над религией, с ее проповедью бренности земного существования, и насмешку над «романтической» поэзией с ее призраками, бесплотными духами и прочими мистическими изысками и туманами, — и передать естественное стремление жить, исследовать тайны жизни, творить и наслаждаться творчеством, быть открытым для всех чувств и мыслей, достойных человека. Это было сказано накануне «могилы темной»... Но образ могилы никак не вяжется, никогда не будет вязаться с образом Пушкина, как не вяжется образ смерти с бессмертием. Наш народ всегда будет глядеться в образ Пушкина, узнавая в нем,— с радостью всегда нового, все более глубокого постижения, — свои лучшие, заветные черты. «Читайте почаще Пушкина, — говорил Горький,— это — основоположник поэзии нашей и всем нам всегда учитель».

Жизнеутверждающая, проникнутая силой и здоровьем могучего народа, поэзия Пушкина даже в мотивах грусти и печали, которые звучали в его лирике с такою же полнотой и силой, как и все иные человеческие чувства, — оставалась верной себе: даже эти мотивы являлись в ней, как моменты утверждения жизни.

Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.
(«Друзьям»).

Только Пушкин мог создать такую музыкальную строку:

Печаль моя светла...

Лирика Пушкина, воспевавшая дружбу, мир «сельских нег», уединение творчества, любовь, радость мирного труда, выразила важную сторону русского характера—**миролюбие** нашего народа. Пушкин писал: «Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же как им стали ясны рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение... быть свободными». Вместе с гениальным поэтом польского народа А. Мицкевичем он мечтал «о временах грядущих»,—

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Однако давно пора расстаться с легендой о том, что Пушкин был кротким и нежным поэтом, созданным только для мирных «нег». Пушкин выразил не только великое **миролюбие** русского народа, но и его **воинственность в защите мира**, свободы, чести, национального достоинства. Вот воинственная, энергичная, наполненная пафосом и ритмом боя пушкинская речь, похожая на боевую команду:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет, свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

Вот где пушкинский лаконизм торжествует особенно блестящую — в данном случае бранную победу! Какое воинское презрение к смерти! Какая мужественная «программа жизни»: тот не достоин и счастья любви, кто не умеет рисковать своею жизнью, кто не является воином и другом свободы, — иначе счастье будет пошлым и,— мы сказали бы на языке нашей современности, — обывательским.

До сих пор еще до конца не разоблачено утверждение, что пушкинская поэзия, якобы, лишена пафоса борьбы. Это о Пушкине-то, который в течение всей своей жизни, до конца своих дней, чувствовал себя бойцом и жил, как воин, ежеминутно могущий пасть в борьбе! О Пушкине, вся жизнь которого была ни на минуту не прекращавшейся борьбой с дворянско-бюрократическо-космополитической бандой. О Пушкине, авторе величественного гимна, который следует назвать гимном в честь бессмертия!

Есть упоение в бою...

Пушкин был бойцом в жизни, в политике, в литературе. Он не примирился до конца своих дней с крепостнической действительностью и остался верен убеждениям своей молодости, — только убеждения эти стали неизмеримо более зрелыми, постоянно обогащаясь новой и новой политической, государственной, исторической мудростью.

(Окончание следует)

В Париже и вне Парижа

1. Не верьте тюльпанам!

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

На огромных круглых, прямоугольных и овальных клумбах, на бордюрах газонов и на грядках, словно пламенная песня, взрываются гаммой ярчайших цветов тюльпаны. Как сама радость, как улыбка жизни, они распевчивают зеленые улицы Парижа. Итак, это Париж, Париж в блеске солнца и тюльпанов...

Не верь тюльпанам! Не ищи города, который знаешь по классическим романам.

Этого Парижа нет. Он погрузился в бездну времен, словно его никогда и не было.

Как? Неужели нет чудесной парижской весны, нет арок Нотр-Дам, и великолепных площадей, и улиц, сверкающих огнями?

Да, весна есть, цветущая, одурманивающая массой цветов. На своем месте находятся и Нотр-Дам и площадь Согласия, но...

Неужели нет изящных, элегантных, стройных женщин на улицах?

О, да. Они есть. Но...

...И веселых, остроумных, легкомысленно улыбающихся французов?

Нет, этих французов нет. На Париж, на всю Францию легла мрачная тень. Густая и тяжкая. Эта тень повсюду гасит смех, она убивает беззаботность, придает лицам черты не только серьезности, но и угнетенности. Происхождение у тени одно, но разрезов — множество. Один разрез — это «план Маршалла».

Прежней веселой беззаботности французов хватило лишь на еще один горький анекдот, прекрасно характеризующий сущность этого плана.

Встречаются два француза.

— Об'ясни мне, — просит один из них, — что собственно мы получаем по «плану Маршалла»?

— Как—что? Уголь из Англии.

— Это чудесно! Наконец-то начнут отапливать квартиры.

— Ну, нет, квартир, видишь ли, отапливать не будут, потому что уголь мы должны отдать Швеции за автомашины.

— Вот и отлично! Куплю себе автомобиль и буду ездить сколько душе угодно.

— Гм... Автомобиля-то ты, положим, не купишь, ведь мы должны автомашины отдать Бельгии за кофе.

— В конце концов и это неплохо... Будем пить настоящий кофе вместо всех этих эрзацев...

— Что ты говоришь! Мы не можем пить кофе, так как должны отдать его Англии за уголь.

— Так что же мы, собственно, получаем по «плану Маршалла»?

— Как ты бестолков, мой милый! Ведь я уж полчаса тебе толкую: уголь!..

Таков анекдот. В жизни все это выглядит вовсе не столь юмористично. Разве что кому-нибудь покажется остротой то, что, купив духи с этикеткой известной французской фирмы, он найдет во флаконе дрянную американскую подделку, которая мало чем отличается от воды.

Такие «приемы» пускаются в ход, как нам об'ясняли, чтобы не раздражать французов видом американских товаров, заполняющих магазины Парижа. Этикетка французская—товар американский. Притом — любой товар, даже в таких отраслях, как парфюмерия и галантерея,—отраслях, в которых Франция обладала почти мировой монополией. Америка сбывает свою дешевку, наводняя французский рынок, вытесняя французские товары, подрывая существование французской промышленности и лишая хлеба французских трудящихся.

Эта политика весьма и весьма недолговечна — при такой системе закупки будут все более сокращаться и уже стремительно сокращаются, но пока что американские бизнесмены могут еще хорошо зарабатывать во Франции.

В огромном универсальном магазине «Галлери Лафайетт», похожем на играющий всеми цветами радуги городок, до войны работало четырнадцать тысяч продавщиц. Сейчас их четыре тысячи двести, да и те ожидают нового сокращения. И сокращение неизбежно будет, ибо в магазине пусто. Клиенты появляются лишь изредка. Продавщицы стоят без дела. Француженки потихоньку предостерегают вас, чтобы вы не покупали того или другого— этикетка французская, а товар американский. Бедные девушки, как могут, спасают честь Франции, вопреки усилиям старых французских фирм, которые пошли на грязную спекуляцию, согласившись отдать американским ловкачам названия и упаковку своих изделий.

— Промышленность? — солидный, лысый господин средних лет горько улыбается.—Мы (то-есть мелкие и средние французские промышленники) обречены на гибель. Возьмите хотя бы меня. Я владелец небольшой фабрики, которая могла бы неплохо действовать. Могла бы... Но, как известно, на фабриках установлены машины. Машины ломаются, выходят из строя. Перед войной я мог купить запасные части или новые станки, где мне было угодно. Сейчас я имею право покупать их только в Америке. Однако здесь есть маленькое «но»... Дело в том, что Америка не продает нам станков. И вот сегодня испортится один станок, завтра — другой. И так до тех пор, пока не придется совсем закрывать лавочку—и точка.

— Чего же, собственно, хотят этим добиться американские монополисты?

— Очень просто. Хотят залушить французскую промышленность, давать Франции готовые товары, да притом такие, какие им угодно. То-есть то, что у них не идет, лежит мертвым грузом на складах. А мы, по мнению этих американцев, должны стать чисто аграрной страной — производить овощи, фрукты, вина и потреблять американские промышленные товары...

Парижские дома не отапливаются. В квартирах стоят железные печурки, обыкновенные типичные «буржуйки». Черное отверстие трубы выведено на улицу. Здесь, у этой печурки, в зимние дни собирается семья, чтобы согреться.

— Вот уголь, который нам дают американцы...

Мы заглядываем в ведерко. То, что находится в нем, напоминает уголь только цветом; при ближайшем рассмотрении оказывается просто-напросто земля, пыль.

— И вот это-то ввозят из Америки?!..

Не знаю, действительно ли такую дрянь тащат через океан, чтобы под видом угля продавать ее французам. Так, во всяком случае, говорили хозяйки домов, которые показывали нам свои ящики и ведра из-под угля на кухнях.

— А что Франция продает Америке?

Они пожимают плечами. Впрочем, мы сами быстро разбираемся в этой проблеме. Нет, это не Франция продает. Это просто американские колонизаторы забирают все, что им понравится. Ведь нельзя же в самом деле называть покупкой сделки, при которых доллар обменивается на такое количество франков, что американец-бизнесмен может приобрести здесь великолепный бархат на платье жене за цену, равную стоимости одного обеда в Америке. Может купить отрез чудесного узорчатого шелка на те деньги, какие он у себя дома платит за коробочку жевательной резинки, может приобрести лучшие духи (уж он-то не ошибется и возьмет настоящие французские) за гроши, которые у себя дома он дает на чай портье. И он покупает, покупает, покупает. Покупает все самое лучшее, что еще есть во Франции, что в ней еще осталось. Стоит посмотреть на него, на его небрежную, наглую позу, чтобы понять: он чувствует себя здесь господином.

А между тем ведь он приезжает сюда без паспорта, без визы. Французское правительство совершенно не знает, кто приезжает в его страну из-за океана, зачем и почему. Любой бизнесмен может взять некоторое количество долларов и приехать сюда, в эту Францию, где на эти самые доллары все, начиная с шелков, духов и вин, можно получить почти даром. Здесь на месте купить чемоданы, набить их добычей, месяц-два пить, жрать, гулять и с изрядным заработком вернуться домой. Так, небольшая прогулка, без всяких формальностей, словно едешь из Нью-Йорка в Вашингтон. Только дешевле и прибыльнее. Замечательно удобная вещь этакое космополитическое, ультрасовременное отсутствие границ!

Следует все же напомнить: граница между Америкой и Францией не существует... односторонне. Она не существует для американцев. Но она существует — и притом заперта на крепкий замок — для французов. Именно в то самое время, когда непрерывный поток американских «туристов» устремляется во Францию за развлечениями и легким заработком, американское правительство отказывает в визах на в'езд в США людям, известным и уважаемым во всем мире, гордости французского народа — Фредерику Жолио-Кюри и Эженю Коттон.

— Что ж, мы колониальный народ... О нами Америка обращается, как со своей колонией, — с горечью говорят французы.

Национальная гордость? Французам всегда было очень свойственно чувство национальной гордости, они гордились своей родиной, своей национальностью, своей страной, культурой. Теперь эта национальная гордость попирается, оплевывается каждый день этим прибывшим из-за океана господином с сигарой в зубах, который приехал сюда без всяких препятствий, без всяких формальностей, — именно так, как приезжают в свою колонию.

Народ не примирился с этим. Перед красивым дворцом в Фонтенбло, где помещается штаб фельдмаршала Монтгомери, собираются женщины и дети из парижских пригородов и демонстрируют на площади с возгласами: «Вон, за океан! Долой американскую оккупацию!»

В ресторан с шумом и криком входит группа посетителей. Безвкусно, кричаще одетые женщины; высокие широкоплечие мужчины, уверенные движения, наглые лица. За соседним с нами столиком кто-то с ненавистью цедит сквозь зубы: «Оккупанты...» — и французские посетители требуют счет и уходят. Никакая агитация, никакая пропаганда не могли бы так быстро и основательно достигнуть того, чего достигли сами американцы,—вызвали смертельную ненависть к политике, диктуемой Уолл-стритом.

Сила этой ненависти чувствуется повсюду. В городе и в деревне, в центре города и в предместье. Люди подсчитывают годы немецкой оккупации и прибавляют к ним теперешние годы — годы оккупации американской. А между тем еще сравнительно недавно Париж встречал американцев с чувством благодарности за то, что они помогли французам сбросить иго нацизма. Но Америка быстро показала свой подлинный облик — облик прожорливого, беспощадного завоевателя, которому понравилась «прекрасная Франция» и который старается превратить ее в свою колонию.

Голая правда «плана Маршалла» предстала перед французским народом во всем своем бесстыдстве, во всей своей циничной срамоте. Народ почувствовал ее, эту правду, как цепи на руках, цепи, затягивающиеся все туже, связывающие не только людей, но и страну.

И потому не ищите сейчас во Франции беззаботной улыбки. Не ищите во Франции жизнерадостности. Не давайте обмануть себя блеском чудесной, сказочно роскошной весны. Не верьте тюльпанам. Весна покамест—это то, что еще трудно вывезти за океан, и поэтому она осталась в Париже. Если бы ее можно было упаковать в чемоданы или погрузить на пароход, она тоже исчезла бы. Но пока она здесь и улыбается радостной улыбкой,— она единственная...

Но постарайтесь всмотреться в Париж, вне зависимости от весны. А это не так-то легко сделать, и вы не сразу его увидите: Париж изменчив, он каждую минуту иной; у него, как у древнего бога, множество ликов.

По широким, окаймленным деревьями улицам мчится поток автомобилей, легкой походкой спешат женщины в пестрых жакетках, изысканно причесанные, с цветными бантами у воротов. Своими красками они как-будто соперничают с половодьем тюльпанов. Все мыслимые оттенки зеленого и красного преобладают в дамских туалетах. Это Париж, разумеется, это Париж. Но только... Париж улицы Риволи, площади Согласия или бульвара возле Пале-Рояль.

Попытайтесь встать пораньше, как это делают французы,—и вам откроется другой Париж. В стоптанных полуботинках, в вытертой юбчонке, в блузке, которая, очевидно, стиралась уже десятки раз, бежит в магазин женщина с плетеной кошелкой. У другой на босу ногу надеты тапочки. У третьей—некое подобие обуви, сшитое из лоскутков. Это и есть Париж...

И через несколько дней вы замечаете то, чего не видели раньше. Вы замечаете, что даже там, на улице Риволи, на площади Согласия, тоже попадаются ночные туфли на босу ногу, и вытертые юбчонки, и лоснящиеся жакеты. И все дело в том, что яркие тона модных жакеток, шотландские клетки юбок клеш бросаются в глаза с первого взгляда, а эти, потертые, серые, поношенные, не сразу заметишь.

Очень скоро приходишь к выводу: а ведь, пожалуй, Париж плохо, бедно одет. Теперь вы решаетесь уже сказать об этом вслух. Француженка подтвердит вам это: «Разумеется, Париж одет бедно. Но вы знаете, сколько стоит...»

Знаем, знаем... Конечно, мы уже знаем, да притом знаем и каковы заработки. И потому не удивляемся, что Париж, диктующий моды всему миру, сам плохо одет.

Вы осматриваете рестораны. Ресторанов много. Есть рестораны французские и китайские, вьетнамские и испанские, армянские и греческие, итальянские и арабские. Кулинарное искусство и кухни всех народов мира соперничают между собой. Рестораны-гиганты, где анфиладой протянулись огромные залы, и крошечные рестораны, где едва помещается несколько столиков. Рестораны, имитирующие кабачки, рестораны, похожие на дворцы. Вокруг вас суетятся официанты, они подадут вам обширное меню, они готовы начать таскать блюда, кастрюльки, сковородки, целые горы невероятных кушаний. Но только... Может случиться, что во всем ресторане будете сидеть за столиком вы один, один-единственный.

Из всех этих ресторанов, баров, кафе, попадающихся на каждом шагу в Париже, три четверти, по крайней мере, зияют отчаянной, тоскливой пустотой. Есть лишь несколько, где всегда полно,—закон мимолетной моды или каких-то случайных вкусов, — это трудно понять иностранцу. Но во всех остальных в подавляющем большинстве — пусто. Вы видите это и понимаете, что еще неделя или месяц, и эти рестораны один за другим начнут закрываться. И даже удивительно, что владельцы не ликвидировали их до сих пор. Быть может, они упорно верят, что посетители, которые сегодня ходят к соседу, вдруг вернутся к ним. Но ведь если бы даже и распределить поровну всех посетителей по ресторанам, то все же пусто было бы повсюду...

Что есть в Париже из с'естных припасов? Каково продовольственное положение? Чего недостает? Не отклоняясь от истины, можно сказать: есть все и нет ничего. Пусть вас не введут в заблуждение блюда омаров, бараньи или воловьи ноги на овальных блюдах, рыба, привезенная с берегов Средиземного моря, огромные пирожные. Ведь вы не можете подойти к столику в ресторане и спросить сидящих за ними людей, кто они и чем занимаются, даже если сразу видно, что это не американцы. Приходится удовлетвориться сравнением цен на блюда с уровнем заработной платы французов. Но еще лучше,— поезжайте по одной из дорог Франции, хотя бы в направлении на Амьен и дальше — на Бельгию. Сделайте остановку в обеденную пору в придорожном ресторанчике, открытом круглые сутки, где закусывают шоферы. Перед домом стоит вереница грузовиков, шоферы сидят в ресторанчике, в плохо освещенном зальце. Хозяин об'являет вам, что обед есть. Меню? Нет, карточки кушаний нет. Есть только один обед, правда, с известным вариантом. Вам угодно суп на мясе или без мяса? Не обманывайтесь, в супе «на мясе» вы даже при помощи микроскопа не найдете хотя бы волоконца мяса. Нет, это просто полстакана мутной зеленовато-коричневой жидкости. На второе вам подадут, уже без всяких вопросов, ибо выбора нет, картошку, политую мясным соусом. Затем горсточку листьев зеленого салата на тарелке, затем крохотный кусочек сыра, который можно покрыть мизинцем, и, наконец, чашечку черного кофе, не имеющего, кроме названия, ничего общего с кофе. Шофер отирает губы, платит и снова садится за руль огромной пятитонки, чтобы, подкрепившись таким образом, мчаться всю ночь к бельгийской границе. Здесь нет ни омаров, ни жареных лягушачьих окорочков, ни голубей, начиненных трюфелями. Это обычная еда простого француза. Может быть, даже немного лучше обычной, так как труд шофера оплачивается выше среднего уровня.

В метро, в тесном грязном парижском метро, вы увидите едущую домой на обеденный перерыв служащую. Она расстилает на коленях газету и чистит картошку, чтобы не терять времени. Дома она бросит картошку в кастрюлю, и через двадцать минут обед готов. Можете быть уверены, что эта картошка не будет полита даже мясным соусом.

Рядовые французские служащие едят картошку. Американские завоеватели запивают омаров шампанским.

Но это еще не самое худшее, о, совсем не это!..

В. КРУГЛОВ

Искусство бизнесменов

Перед нами лежит книга Эрика Барноу «Справочник радиописателя», 336 страниц, небольшого формата, издание, которое, по мнению автора, содержит вполне достаточно сведений, чтобы стать писателем. Первый лист своей книги автор украсил таким заголовком: «Справочник радиописателя, излагающий технику составления и способы сбыта произведений для радио в Соединенных Штатах». Решив научить неопытных литераторов искусству продавать перо, Барноу постарался прежде всего выгодно подать читателю свою особу. На заглавном листе он отрекомендовался следующим образом: «Эрик Барноу, радиописатель и режиссер, бывший ранее помощником директора отдела рукописей Национальной радиовещательной компании, преподаватель на радиокурсах при Колумбийском университете».

Нужно отдать справедливость автору: он честно делится с новичками своим «богатейшим опытом». Он по-американски откровенно циничен и сразу ставит точки над «и». Вот основное, что должен усвоить каждый, решивший стать писателем: он не столько «вступает в новую увлекательную область творческих возможностей», сколько «попадает на рынок, запросам которого он должен подчинить в большой степени свои искания».

Сделав такое предупреждение, Эрик Барноу дает совет, как действовать новичку. Быть может, он призывает его следовать лучшим традициям американской литературы, освоить ее наследие? Отнюдь нет.

Автор этого «Справочника» предостерегает неопытных писак, что не нужно критиковать деятельность какого-либо предприятия или учреждения, не нужно раскрывать обманов, допущенных сенатом, или сообщать о крахе банка, даже в форме вымышленного рассказа, так как это подорвет доверие к американской государственной и экономической системе. Барноу не устает подчеркивать продажный характер ремесла американского писателя, как нечто нормальное, естественное. «Радио кормится коммерцией и не желает бить по руке, которая его кормит», — прямо говорится в разделе о цензуре.

Таковы «идейные» установки Эрика Барноу. Того, кто их принимает без оговорок, он учит «благородному» искусству продажи пера. Различные сведения из этой области автор расположил в алфавитном порядке. Он дает подробные сведения о расценках на рукописи и заработках писателей. Творцы 20 миллионов слов, т. е. семнадцати тысяч различных ежедневных радиопрограмм США, зарабатывают от 15 до 1.000 долларов в неделю. Чем выше заработок автора, тем он лучше, какими бы путями это ни достигалось. С большой симпатией говорит писатель Барноу о писателе Давиде Фридмане. Ловкий предприниматель, оказывается, подписался на все европейские и американские журналы, имеющие раздел юмора. Целый штат переводчиков и составителей реестров создал под руководством Фридмана огромный запас в 300.000 стандартных шуток на любую тему. Сбыт этих шуток приносит писателю-торгашу большой доход.

Барноу подробно описывает особенности рынка радиорукописей, где каждый продает и покупает любое варево продажной американской литературы. Он предусмотрительно сообщает адреса важнейших рекламных агентств, где можно найти применение своему «таланту». Реклама составляет основу американского радиовещания. По официальным данным, так называемые коммерческие передачи занимают 40 процентов лучшего «слушаемого» времени. Эти передачи покупаются за огромные деньги (до 17.000—20.000 долларов за полчаса). Поэтому Эрик Барноу свои главные усилия употребляет на описание способов изготовления коммерческих передач.

Следует заметить, что он проявил излишнюю скромность, назвав свою книгу справочником, излагающим лишь технику составления рукописей. Барноу сделал определенный «вклад» в науку, он «обогатил» теорию литературы разработкой совершенно новых проблем. Особые достижения он имеет в области теории художественной литературы для нужд рекламы. Дело в том, что «прямое восхваление товара» давно уже не имеет успеха. Американцы с отвращением относятся к рекламе. За рекламными передачами они закрепили презрительную собачью кличку «spot». Нужно менять тактику. Те времена, когда «считалось неудобным» приглашать для рекламных передач звезд пера и экрана, прошли. С 1931 года торговые фирмы начали использовать для рекламы знаменитостей. Литература и искусство давно поставлены на службу рекламе. Повысились, само собой разумеется, требования «творческого порядка». Барноу с глубоким знанием дела и вполне всерьез разбирает вопросы создания песен, миниатюрных оперетт, шуточных выступлений, диалогов, драм для рекламирования того или иного товара.

Здесь важно обмануть радиослушателя, поймать его, что называется, «на крючок». Нужно заинтриговать его, завязать «возвышенный диалог», а затем сделать незаметный, якобы естественный переход «с небес на землю», т. е. к «рекламе конкретного предмета торговли». Приводится пример такого «тонкого» перехода.

А и В собираются в цирк.

А. Я очень люблю смотреть на канатоходцев, хотя они и доставляют мне неприятные минуты...

В. Каким образом?

А. Я все время думаю, глядя на них, что они станут делать, если им захочется чихнуть?

В. Это правда, но я знаю, что должен делать человек, твердо стоящий на земле, если он начнет чихать. Пусть возьмет две чайные ложки... (сообщается рекламное средство).

Верный слуга своих господ, Барноу передает американским писателям не только опыт изготовления рекламных передач. С не меньшим рвением он учит их приемам отвлечения трудящихся от острых, злободневных вопросов. Опираясь на испытанные стандарты, на богатейший опыт, Барноу показывает, как можно быстро состряпать веселую, комическую, трагикомическую, о ужасами из потустороннего мира пьесу.

Американские радиописатели имеют огромную аудиторию, их стряпню волей или неволей проглатывают десятки миллионов радиослушателей. Можно с полным основанием утверждать, что в Америке литература по радио имеет несравнимо большее распространение, чем книжная, печатная литература. На радио работают, по выражению автора, «знаменитости» и «звезды». Вот почему «Справочник радиописателя» отражает состояние американской литературы. Это страшный документ разложения капиталистической культуры, перелистав который, испытываешь желание вымыть руки.

Литература империалистической Америки — загнивающая, паразитическая. Она не требует вдохновения и таланта, она построена на готовности продавать свое перо, на умении делать стандартные рукописи, на беззастенчивом присваивании чужого труда. У нее нет добровольных читателей, ее ненавидят. Как ни клевещут лакеи доллара на американский народ, он борется с продажной, стандартной литературой. Он горячо протестует против гангстеров, проституток, потусторонних миров в литературе. Он об'единяется в различные общества и организации для защиты от тлетворного влияния американской литературы. Нельзя оболванить целый народ. Не продавца чужих шуток Давида Фридмана американский народ считает своим писателем. Вместе со всем цивилизованным миром американцы чтут имена Марка Твэна, Джека Лондона, Теодора Драйзера.

Представители американской реакции любят поговорить об американской свободе вообще и о свободе творчества в частности. Эрик Барноу своей книгой убедительно доказал и документально подтвердил, что в действительности — это свобода превращаться в услужливых лакеев своих господ.

Eric Barnow. „Handbook of Radio Writing", Boston, Little, Brown and Company, 1947.

В вотчине американского генерала Ван-Флита

В Греции под руководством американского «гаулейтера» Ван-Флита продолжаются расправы над представителями прогрессивной интеллигенции, в частности над писателями, журналистами, учеными. Монархо-фашистское правительство Греции ссылает лучших представителей греческого народа на острова, обрекая их таким образом на медленную, мучительную смерть от голода и беспощадного террора. Местом ссылки являются преимущественно следующие острова на Эгейском море: Макронисос, пользующийся печальной известностью второго Бухенвальда, Икария, Лемнос и Хиос.

Один из виднейших молодых греческих поэтов Жан Ритсос, как сообщает французский еженедельник «Леттр франсез», сослан на остров Лемнос.

Деметри Фотиадис до своего ареста издавал прогрессивный журнал «Элефтера грамата» («Свободные письма»). В период германской оккупации он вел из Лондона радиопередачи, призывавшие греческих патриотов к борьбе против оккупантов. Сейчас монархо-фашистские власти использовали эту его деятельность в качестве предлога для ареста.

Один из лучших греческих прозаиков Менелао Лудемис находится, так же как и Фотиадис, в тюрьме на острове Икария. Во время оккупации он был активнейшим представителем движения Сопротивления. На острове Икария находятся также поэт Тракиотис, драматург Кетсис, фольклорист Маринис.

На остров Лемнос сослан Скинас — один из выдающихся греческих филологов, автор ряда работ о греческой литературе — античной и современной.

Известный журналист-антифашист Маполис Глезос до сих пор находится в тюрьме в ожидании казни.

«Глезос, — заявила в беседе с корреспондентом «Юманите» прогрессивная греческая писательница Аксиоти, — является для нас, греческих патриотов, живым символом Сопротивления в период германской оккупации».

В лагере на острове Хиос томятся в невыносимо тяжелых условиях около 2.000 греческих женщин, подозреваемых в «сочувственном отношении к партизанскому движению».

Одной из женщин, заключенных в этом лагере, удалось переслать в редакцию бельгийской газеты «Драпо руж» следующее письмо:

«Нас здесь около 2 000 человек — от 15-летних школьниц до 80-летних старух. Мы хотимся в бараках и палатках, в страшнейшей тесноте. Заразные больные спят в одном помещении со здоровыми, а заболеваемость туберкулезом, особенно среди детей, ужасающая.

В лагере нет врача. Изредка к нам заходит санитарный инспектор, но он ничем не лучше жандармов».

«Несмотря на беспощадный режим, — заканчивает автор письма, — не так давно мы отпраздновали славную годовщину движения Сопротивления против фашистских оккупантов и разукрасили палатки национальными флагами, которые сами изготовили. Флаги, правда, были у нас немедленно отняты полицией, но годовщину мы все же отметили!»

Сергей МИХАЛКОВ

У ВРАЧА

Явился мистер Икс к врачу:
«Сменить я голову хочу!
Все дело в том, что завтра, сэр,
Мне вылетать в СССР,
А я известный клеветник—
Меня узнают в тот же миг!..»
«Посмотрим, что за голова?
Откройте рот, скажите: А-а-а!»
«Бе-е-е!.. У меня прирчен рот
Все говорить наоборот.
Итак, сейчас могли бы вы
Помочь мне в смысле головы?
Возможно это или нет?»
«Вполне возможно!» — был ответ...
В одно мгновенье, — раз! — и два!
Слетела с шеи голова.
Порылся доктор в кладовой,
Вернулся с новой головой
И, прикрепив ее в момент,
Закончил свой эксперимент:
«Взгляните в зеркало, мой друг!»
Клиент взглянул и замер вдруг:
«О-о-о! Я себя не узнаю!
Верните голову мою!
О, боже! Я в беду попал!
Что делать? Я теперь — шакал!»
«Ну, да! Конечно! — был ответ. —
Клянусь, мой друг, пятнадцать лет
Не зря над тем работал я,
Чтоб джентльмен, коль он—свинья,
Носил бы голову свиньи,
Дурак—осла, подлец—змея,
Но самый первый опыт свой
Я сделал с вашей головой!»

Мы их встречали, вы и я—
«Друзей», что вовсе не друзья:
Шакала, волка и свинью,
И журналистскую змею,
Ну, словом, тех, кого сюда
К нам засылают иногда.
Но мы в отечестве своем
И без врачей их узнаем!

Встреча с участниками конгрессов мира

В Союзе советских писателей СССР состоялась встреча столичных литераторов с участниками Всемирного конгресса сторонников мира в Париже и Праге и Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира.

На вечере с впечатлениями о поездках в Париж, Прагу и Нью-Йорк выступили: академик А. Опарин, член-корреспондент Академии наук СССР П. Федосеев, дважды Герой Советского Союза А. Федоров, мать двух Героев Советского Союза Л. Космодемьянская.

А. Опарин рассказал о встречах с прогрессивными деятелями Америки, об обстановке, царившей в США во время конгресса. П. Федосеев поделился своими наблюдениями над жизнью французского рабочего класса, рассказал о решимости участников конгресса и широких народных масс довести до конца борьбу за дело мира во всем мире, за победу демократии. Л. Космодемьянская говорила о движении французских женщин в защиту мира. А. Федоров рассказал о работе Конгресса сторонников мира в Праге, где собрались делегаты, которым было отказано в визе на в'езд во Францию.

Новые книги

ГОСЛИТИЗДАТ

Бажов П. Малахитовая шкатулка. Издание дополненное. 568 стр. Цена 23 р.

Коцюбинский М. Избранные произведения. Редакция и вступительная статья А. Дейча. 376 стр. Цена 15 р.

Пушкин А. Полное собрание сочинений в 6 томах. Общая редакция Д. Благого и С. Петрова. Тираж 200.000 экз. Цена тома 15 р. (Издание подписное). Вышел том I. Стихотворения. 1813—1825. Вступительная статья Д. Благого, биографический очерк С. Петрова, иллюстрации Л. Хижинского. 560 стр.

Пушкин А. Полное собрание сочинений в одном томе. 1.528 стр. Цена 60 р. Тираж 10.000 экз. Это издание включает все произведения поэта — художественные, исторические, критические, автобиографические.

Пушкин А. Избранные сочинения. 656 стр. Цена 11 руб. Тираж 500.000 экз.

Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Редакция И. Векслера, А. Мясникова, А. Тихонова и Л. Толстой.

Том X. Пьесы. Комментарии А. Алпатова и С. Дурылина. 712 стр. Цена 18 р.

Шагинян М. Избранное 1911—1948. 644 стр. Цена 12 р. В книгу вошли: повести и романы — «Гидроцентраль», «Перемена», рассказы — «Агитвагон», «Стихотворение», «Качество продукции», а также очерки и статьи.

Бальзак О. Избранные произведения. 716 стр. Цена 28 р.

Гёте. Собрание сочинений в 13 томах. Под общей редакцией А. Луначарского и М. Розанова.

Том XIII. Письма. Часть 2-я. 582 стр. Цена 10 р.

Шиллер Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 5. Драмы — «Орлеанская дева», «Мессинская невеста», «Вильгельм Телль», «Деметриус». 536 стр. Цена 15 р.

В массовой серии тиражом по 250.000 экз. вышли:

Лесков Н. Левша. Тупейный художник. 64 стр. Цена 1 р.

Пушкин А. Борис Годунов. 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

Пушкин А. Маленькие трагедии. 72 стр. Цена 1 р.

Тургенев И. Вешние воды. 136 стр. Цена 2 р.

Тургенев И. Отцы и дети. 192 стр. Цена 3 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Адалис А. Восточный океан. Стихи. 92 стр. Цена 4 р. 50 к.

Бекхожин Х. Под звездами Москвы. Стихи. Перевод с казахского. 130 стр. Цена 4 р.

Иллеш Б. Карпатская рапсодия. Роман в трех книгах: «Молодое вино», «Люди в лесу» и «Царство Григория Жатковича». 600 стр. Цена 17 р.

Рябоклич И. Золототысячник. Повесть. 192 стр. Цена 4 р.

Слонимский Мих. Первые годы. Роман. 240 стр. Цена 7 р. 50 к.

Черкасов А. В стороне сибирской. В книге — повесть «Золотоискательница» и пять рассказов. 260 стр. Цена 6 р.

Чуковский Н. Ярославль. Роман. 224 стр. Цена 6 р. 50 к.

В серии «Библиотека избранных произведений советской литературы» вышли следующие книги.

Горький М. Дело Артамоновых. 286 стр. Цена 6 р.

Джамбул. Избранное. Перевод с казахского. 168 стр. Цена 6 р.

Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. 336 стр. Цена 9 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Обыденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, отдела писем — Г 6-38-60, издательство — К 0-36-84, Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01504.